



Тори
Халимендис
Больше, чем враги

18+

Тори Халимендис
Больше, чем враги

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Халимендис Т.

Больше, чем враги / Т. Халимендис — «ЛитРес: Самиздат», 2016

В юности Марка Грена и Тиали Торн связывала первая любовь, но давняя семейная вражда разлучила их. Спустя десять лет Марк оказался тем единственным, кто может спасти Тиали от опасности и помочь разгадать тайну, угрожающую ее жизни. Смогут ли вновь вспыхнуть их давно, казалось бы, остывшие чувства?Изображение для обложки взято с сайта ріхабау по лицензии СС0

Содержание

Пролог	5
Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Пролог

Алые капли, тяжело падающие с острого лезвия... Белые пятна изумленных лиц... И глаза, яркие, зеленые, неверящие... Жуткая, противоестественная тишина разрезается пронзительным криком:

– Убийца!

А потом жуткое:

– Тиали Торн обвиняется... приговаривается...

Глаза скользят по незнакомым лицам, ищут одно-единственное, то самое, на котором написано дружеское участие. Ты ведь не бросишь меня, правда? Ты pomoжешь? Потому что без твоей помощи я пропаду. Погибну...

Часть первая

Холод пробирал, казалось, до костей. Рукавицы из грубой ткани были слишком велики и больше натирали кожу, нежели защищали от мороза. Пальцы, крепко державшие древко метлы, уже онемели и я совсем их не чувствовала, но поделаться ничего не могла. С неба сыпалась противная ледяная крошка, коловшая лицо, а от порывов студеного ветра слезились глаза.

– Эй, Дамочка, – окликнул меня охранник. – Отставить работу, к тебе на свиданку пришли.

Товарки по уборке территории устремили на меня завистливые взгляды, но промолчали – попусту трепать языками при охране здесь было не принято. За любое нарушение правил расплата полагалась слишком уж суровая.

Я сдала "инвентарь" – метлу с редкими гнутыми прутьями – и поспешила, подгоняемая ветром, к забору, увенчанному битым стеклом. Там, на краю периметра, дожидался меня друг. Тот, кто не бросил, кто остался верен, несмотря ни на что.

В домике для свиданий было сыро и холодно, хотя в очаге и весело плясали огненные языки. Я отметила и разожженный камин, и мягкие подушки на шатких грубо сколоченных стульях, и скатерть на столе. Похоже, кошель Двина изрядно облегчился. Дверь распахнулась от сильного удара. Вошедший охранник поставил на стол поднос и процедил:

– У вас есть три часа.

Я протянула руки к огню в надежде согреться и ужаснулась, будто впервые за долгое время увидав их. Ногти были обломаны, кожа погрубела и даже кое-где растрескалась. На глаза навернулись слезы. Смешно, мне многое пришлось вытерпеть здесь, но расстроила меня именно утраченная нежность и мягкость собственных ладоней.

– Поешь, пожалуйста, – мягко произнес Двин, кивком указывая на стол.

Я с жадностью ухватила кусок мягкого хлеба с маслом и сыром.

– Разбалуешь ты меня. Как я после такого-то пира опять пустую похлебку есть буду?

Двин опустился на колени на дощатый пол рядом со мной, прижался губами к обезображенной руке.

– Потерпи. Осталось недолго. Скоро мы вытащим тебя отсюда.

– Уверен, что пора?

– Я не знаю, – в голосе его явно слышалось сомнение. – Но я не могу видеть тебя такую... здесь...

– Ничего, потерплю. Не хрустальная, не разобьюсь, – грубо ответила я.

– Тиа, – голос Двина звучал жалобно, – Тиа, что с тобой происходит? С каждым разом ты все меньше и меньшеходишь на себя прежнюю.

Я горько рассмеялась.

– Заключение, вот что со мной происходит. Отсутствие свободы, какого-либо подобия нормальной жизни, элементарных удобств. И я больше не Тиа, Двин. Я – заключенная двести семнадцать дробь пятнадцать, понимаешь? Ну или Дамочка.

Мой друг только помотал головой, будто отгоняя навязчивое видение.

– Нет, Тиа. Мы вытащим тебя отсюда, и ты снова станешь такой же, как и раньше. Смешливой и улыбчивой, доброй и понимающей.

Я промолчала. Что я могла ему сказать? Что давно уже не ощущаю себя прежней Тиа, будто она умерла, а я – самозванка, захватившая чужое тело? Нет, таких слов Двину лучше не слышать.

После свидания я могла не возвращаться к работе, потому и пошла сразу в барак. Уже темнело, колкая острая ледяная крошка сменилась пушистыми редкими снежинками, ветер немного утих, и я шла медленно, глубоко вдыхая морозный воздух. В бараке тепла нико-

гда не бывало, зато всегда стояла жуткая вонь от множества немытых тел. Казалось бы, я давно должна была привыкнуть и притерпеться, но нет, голова по-прежнему раскалывалась от невыносимого запаха. Двину удалось, сунув немалые деньги начальнику охраны, передать мне небольшой флакончик духов, который я берегла, как величайшее сокровище. Не расставалась ни на мгновение, носила на груди под робой и даже в мыльню брала с собой этот крохотный осколок благополучного прошлого.

В бараке было пусто. Почти. У окна сидела щербатая Берта и, старательно шевеля губами, пыталась читать взятую в библиотеке потрепанную нудную книгу. У Берты была мечта – она желала стать "образованной", чтобы выйдя на свободу найти себе "приличное место". Разумеется, с подобной биографией осуществление мечты ей вряд ли грозило, но я не сказала ей ни слова об этом. Все-таки у каждого из нас должно оставаться хоть какое-то светлое пятнышко в душе, чтобы не сломаться окончательно, не так ли? У меня был Двин, а у Берты – Великая Мечта, и нам этого хватало.

– Руку порезала, – словоохотливо пояснила мне Берта, демонстрируя перемотанную кисть. – Док, добрый человек, дай ему боги побольше лет жизни, освободил меня на два дня от работы. Лютый свирепствовал, конечно, ругался так, что уши вяли, но поделывать ничего не смог: против Дока не попрешь.

Здесь она была права. Дока, невысокого сутулого плешивого мужчину лет пятидесяти, побаивались даже самые озлобленные охранники, такие, как Лютый.

– Послушай, Дамочка! – Берта подошла поближе. – Твой-то приезжал?

– Приезжал, – мрачно кивнула я, погруженная в невеселые мысли.

– Гляди-ка, порядочный, не бросил, – удивилась она. – Ко всем ездить быстро перестают, а твой все держится. Повезло тебе с ним, Дамочка. Ты за него держись, такой мужик редко попадается.

Я неопределенно пожала плечами – пусть понимает, как хочет. Берта, решив, что у меня подходящее настроение для пустой болтовни, присела на койку рядом со мной.

– Дамочка, я давно у тебя спросить хотела: а тебя-то за что сюда засунули? Нет, ты не отвечай, если не желаешь, я пойму.

Саму Берту "засунули", когда поймали на месте преступления – она пыталась украсть кольцо в ювелирной лавке. Как по мне, сгруппировала она сильно: одного взгляда на нее было достаточно, чтобы понять, что вряд ли она пришла к ювелиру с целью прикупить новые серьги. Мастер оборванку не выставил, но наблюдал за ней пристально – вот Берта и оказалась здесь. Эту историю незадачливая воровка пересказывала уже много раз, так что все заключенные уже выучили ее наизусть. Я же о причинах, по которым очутилась в лагере, предпочитала не распространяться. А сейчас Берта с горящими глазами жадно ожидала моего ответа.

– Так как, Дамочка?

– За дело, Берта, – горько усмехнулась я. – За дело.

– А за какое?

– За попытку убийства.

И с неким злорадным удовольствием увидела, как побледнела и отшатнулась товарка по несчастью. Такого ответа она явно не ожидала.

– Шутишь, да? – Берта все никак не могла поверить в то, что я способна убить человека. – Ты ведь такая нежная, Дамочка, такая утонченная. Аристократка.

– Не шучу, – равнодушно бросила я. – Сама подумай, с чего бы иначе я здесь оказалась? В больших голубых глазах собеседницы страх начал сменяться любопытством.

– А чем ты... Ядом, да? Или заклятием? Точно, заклятием, ты ведь магией владеешь. Я видела, как ты поначалу применить ее пыталась, пока не поняла, что бесполезно.

– Не магией, ножом, – буднично сказала я, будто речь шла о том, что я предпочитаю на завтрак: кашу или омлет.

Берта бросила взгляд на мои огрубевшие от работы ладони и помотала головой.

– Да ну, Дамочка, – обиженно протянула она. – Не хочешь признаваться – так и скажи, обманывать-то зачем?

Я промолчала. Смысла доказывать незадачливой воровке, что я говорю правду, никакого не было. Пусть себе думает, что хочет.

Тишину внезапно разорвал гулкий удар колокола, и мы с Бертой испуганно переглянулись, а потом сломя голову бросились к двери. Внеплановое построение могло означать только одно – неприятности.

И точно, когда мы, запыхавшись, присоединились к строю хмурых женщин в серых одеждах, то сразу заметили привязанную к столбу для наказаний хрупкую фигурку. Я вгляделась попристальнее и охнула – Красотка! Спросить, чем она провинилась, я не могла, поскольку по бокам от нас застыли охранники, а оказаться рядом с несчастной за болтовню у меня не было никакого желания. И все же... Красотка, худенькая зеленоглазая блондинка с на удивление пышным бюстом и круглым задом, ходила по лагерю королевой. Всем было известно, что она спит с Лютым, а тот делает своей любовнице поблажки. Пару раз девица даже пыталась сцепиться со мной, на что я порекомендовала ей расспросить у своего кавалера, как именно я здесь оказалась. Красотка прониклась и больше меня не трогала.

А сейчас безвольное тело девушки повисло на веревках, а ее любовник уже примеривался кнутом к обнаженной спине. На губах Лютого играла отвратительная сладострастная улыбка – начальнику охраны доставляло удовольствие самому пороть провинившихся заключенных. Он никогда не поручал порку подчиненным. Лютый облизнул губы, и меня замутило. Свист – и сразу крик, полный животной боли. Я крепко зажмурилась, понадеявшись, что этого никто не увидит. Еще крик, еще, еще, а затем непрерывный дикий вой. Сколько же ей назначили?

– Хватит! – вмешался, слава всем богам, Док. – Ты желаешь ее проучить или покалечить? Отвязывайте и тащите в лазарет.

Пока охранники занимались Красоткой, остальные заключенные молча, потупив глаза, побрели на ужин.

Я основательно перекусила во время свидания, оттого-то вид остывшей жидкой похлебки, в которой плавал одинокий крохотный кусочек мяса, не вызвал во мне аппетита. Но серый клейковатый хлеб я все же заставила себя сжевать, запивая его обжигающе горячей горькой дрянью, именуемой здесь чаем. Бросив быстрый взгляд на охранников и убедившись, что они смотрят в другую сторону, я молниеносным движением поменяла уже опустевшую миску Берты на полную свою. Соседка раскрыла было рот, чтобы задать вопрос, но я ощутимо пнула ее ногой под столом, и она, скривившись, понятиливо промолчала. Только благодарно кивнула и незаметно сжала мою руку.

Вечернее построение не принесло никаких сюрпризов, и мы уныло потянулись в бараки, спать. В углах уже поставили жаровни, не дающие толком никакого тепла даже тем счастливицам, чьи койки располагались к ним ближе остальных. Нырять с головой под тощее драное одеяло, я попробовала отключить рассудок и не замечать ни быющего меня озноба, ни доносящегося со всех сторон похрапывания. Получалось плохо, мысли то и дело возвращались к запретной теме: жизни на свободе. Измаявшись, я сунула ноги в грубые башмаки, накинула прохудившуюся душегрейку и выскользнула из барака. На мое счастье, дежурил сегодня Гонт, парень мирный и незлобный, несмотря на довольно-таки устрашающий внешний вид. Через левую щеку Гонты тянулся рваный шрам – следствие пьяной драки. Сам он иной раз шутил, что с таким украшением его ни на одну приличную службу не возьмут. Шутка была горькой, поскольку правды в ней было куда больше, нежели Гонту того хотелось.

– Далеко собралась, Дамочка? – окликнул меня он.

– Воздухом подышу немного.

– Какой тебе воздух по этакой холодине. А то хочешь, согрею?

Предложение было уже привычным, и на мое согласие Гонт всерьез не рассчитывал. И на отказ тоже не обижался.

– Спасибо, я уж обойдусь как-нибудь.

– Конечно, к тебе этакий господин приезжает, – добродушно усмехнулся охранник. – Куда уж нашему брату до него.

Я неопределенно пожала плечами. Обманывать недалекого Гонта мне не хотелось, а уж посвящать в свои отношения с Двином – тем более.

– Опять нам золота оставил, – не унимался Гонт. – Лютый себе все захватить хотел, да парни не дали. Просил, чтобы не обижали тебя. Повезло тебе, Дамочка.

– Да уж, – горько согласилась я. – Повезло прямо-таки исключительно. Сама в этокое везение с трудом верю.

На утреннее построение я встала с трудом. Глаза едва открывались, все кости ломило, голова гудела. Меня шатало из стороны в сторону, и Хромоножка, спавшая на соседней койке, сочувственно произнесла:

– В лазарет бы тебе, Дамочка.

Забота о ком-либо была вовсе не в характере Хромоножки, и я справедливо заподозрила ее в поиске какой-то выгоды. Либо рассчитывает поживиться продуктами из передачи Двина, пока меня не будет, либо собирается пожаловаться, что я симулирую. Нельзя сказать, чтобы лагерное начальство любило наушников, но лишнюю пайку за доносы они иной раз получали. Потому-то я покачала головой и побрела к выходу из барака. Жаровни уже погасли, из всех щелей немилосердно сквозило. Я с трудом распахнула дверь, покачнулась и осела на руки еще не успевшего смениться Гонта. И перед тем, как окончательно провалиться в черноту, услышала крик:

– Док! Где Док? Да она горит вся!

Когда же я открыла глаза, то не сразу сообразила, где нахожусь. Белый потолок, теплое одеяло, легкий запах трав. Лазарет. Место, куда более желанное, нежели самый фешенебельный курорт для любой заключенной. Санаторий, где можно отдохнуть от невыносимых лагерных условий и тяжелого труда. Вот только попасть сюда не так-то просто, а уличенным в обмане грозил карцер. Тишину нарушали громкие голоса, приглушенные, впрочем, дверью. Я прислушалась, узнала собеседников и похолодела, несмотря на одеяло и раскаленные жаровни.

– ...неспроста все это, не так ли?

Внутренности смерзлись в один тяжелый ком, горло перехватил судорожный спазм. Сам начальник лагеря пожаловал, чтобы разузнать о случившемся. Если только он решит, что мне в лазарете не место, то произошедшее с Красоткой покажется легкой забавой.

– Переохлаждение, – голос Дока звучал раздраженно и сухо. – Истощение. Недоедание. Вы ее в гроб уложить желаете? Получили секретный приказ? Так сообщите мне, чтобы я не тратил свое время понапрасну, вытаскивая бедолагу с того света.

Они говорили обо мне, и я непроизвольно вцепилась пальцами в край одеяла так, что послышался треск. Неужели Док прав? Надо было соглашаться с Двином, а теперь, похоже, поздно.

– Не глупите, Питерс. У всех заключенных пайка абсолютно одинакова, как и одежда. Никто эту девицу морить голодом либо холодом не собирался. Если не ошибаюсь, она и наказана-то не была ни разу. Да и работой ее чрезмерно не загружают. А что тут не дворец с балами и развлечениями – так в том моей вины нет. И чаепития с пирожными я преступникам устраивать не намерен.

Док промолчал, и я уж было понадеялась, что начальник сейчас уйдет. Но от его следующих слов мое сердце словно оборвалось.

– Я хочу на нее взглянуть.

Хлопнула дверь, тяжелые шаги приблизились к моей койке. Несмотря на инстинктивное желание задержать дыхание и сжаться в комок, я заставила себя дышать размеренно и глубоко, притворяясь спящей. Широкая ладонь легла на мой лоб, проверяя, действительно ли у меня жар.

А потом произошло то, что не могло мне присниться в самых кошмарных снах. Мужские пальцы погладили щеку, обвели контур губ, скользнули по шее. "Сейчас задушит", – мелькнула в голове абсурдная мысль. Но нет, ладонь начальника спустилась к ямке у ключиц, чуть помедлила, будто мужчина раздумывал, а потом скользнула под одеяло, смяла вырез больничной рубашки и легла мне на грудь. От испуга мое сердце заколотилось, будто после быстрой пробежки. Скорее всего, мужчина тоже это почувствовал – не мог не почувствовать – едва слышно хмыкнул и сжал пальцами сосок. Я все-таки не удержалась и всхлипнула от ужаса.

– Сэр! Что здесь происходит?

Боги, благословите Дока! Начальник медленно вытащил руку из-под одеяла, погладив меня напоследок по плечу.

– Проверяю состояние больной, – отозвался он равнодушным голосом. – Похоже, ей действительно не повредит госпитализация. Да, охрана доложила, что проверила принесенные ей продукты. Пусть тащат сюда или больной их нельзя?

– Ей можно все, – сухо ответил Док. – Я ведь вам уже сказал: она истощена. Похоже, что недоедает, причем очень сильно.

– Я распоряжусь проверить, не отбирает ли кто у нее пайку, – пообещал начальник. – Ладно, я вас оставлю, Питерс, занимайтесь своими больными.

Едва я услышала звук захлопнувшейся двери, как резко села на койке. В глазах потемнело, но я упрямо опустила ноги и принялась нашаривать на холодном полу больничные тапки.

– Далеко собралась? – насмешливый голос Дока прогремел в ушах набатом.

Я поморщилась. Голова гудела, темнота перед глазами отступила, зато заплескали радужные круги. Сил у меня было разве что чуть больше, чем у новорожденного котенка, но смыть прикосновения начальника с зудящей кожи казалось жизненно необходимым. Собственное тело представлялось мне покрытым слоем липкой грязи, пачкавшей все вокруг: рубашку, постельное белье, само пространство лазарета.

– В душ, – просипела я, удивившись, как переменился мой голос.

– Давай помогу, – сочувственно произнес Док.

Опираясь его плечо, я доковыляла до крохотной санитарной комнатки.

– Оставь дверь приоткрытой, – будничным тоном произнес Питерс. – Подглядывать не буду, обещаю: чего я там не видал? Зато услышу, если ты вдруг грохнешься.

Сделав воду максимально горячей, я остервенело мыла шею и грудь, царапая их ногтями, будто пытаюсь соскрести чужие противные прикосновения. Мне чудилось, будто грязь проступает снова и снова, и я, всхлипывая, расцарапывала себе кожу до крови, силясь от нее избавиться.

– Эй, Дамочка, выходи, – донесся до меня голос Дока. – За этаким перерасход горячей воды мне пряников не выдадут, сама понимаешь. Полотенце возьми на полке.

Проведя в последний раз мыльными руками по телу, я с сожалением выключила воду и потянулась за ставшим тонким и серым от многочисленных стирок полотенцем. Растиралась я не с меньшим остервенением, нежели мылась, так что Док, когда я наконец вышла к нему, только присвистнул:

– Ну вот, теперь меня в издевательствах над пациентками обвинят. До кровоподтеков обязательно домыwać было?

Я болезненно поморщилась.

– Ладно, пойдем ко мне в кабинет, чаю попьем. Я пирожков прихватил, с мясом и грибами и с капустой – вкусные! А потом тебе еще передачу принесут, там тоже еда должна быть. Слышала, небось, что я говорил? Будешь недоедать – здесь тебя и зароят.

Я осторожно провела пальцем по выпирающей ключице. Даже без зеркала я точно знала, что щеки мои запали, а скулы выступили резче, что серые глаза ввалились, а светло-рыжие волосы потускнели и утратили блеск. Как я могу вызывать желание, когда так выгляжу? Док удивительным образом угадал, о чем я думаю.

– Он видит в тебе не просто женщину, Дамочка. Ты для него – некий символ недостижимого, того, к чему он в жизни не осмелился бы протянуть свои грязные лапы. Звезда с небосклона, внезапно упавшая в грязь к его ногам. Я еще удивлен, что он выжидал столь долго. Должно быть, проверял, не осталось ли у тебя могущественных покровителей. Начальник наш, как и все трусы, предпочитает связываться лишь с теми, кто не в силах дать отпор. И, к сожалению, как большинство ему подобных, весьма жесток с беззащитными. Сегодня он думал, что ты без сознания, вот и позволил себе...

– Нет, – перебила я Дока, начиная трястись от охватившего меня ужаса. – Нет, он понял, что я все чувствую. Он это точно понял! Он уверен, что никто за меня не заступится!

Последнюю фразу я уже прокричала почти в истерике. Док схватил меня за плечи и сильно встряхнул.

– А ну перестала немедленно! Кому сказал, перестала! Я продержу тебя здесь подольше, а там посмотрим, что еще можно сделать.

– С-с-спасибо, – с трудом выговорила я, клацая зубами.

Дрожь все еще колотила меня, но желание крушить все вокруг и бить о стену кулаками утихло. Док прав – пока еще ничего не случилось, а я должна держать себя в руках, дабы не ухудшить свою участь еще больше.

– Успокоилась? – Питерс ласково, как ребенка, погладил меня по голове. – Пойдем чай пить.

Док очень старался сдержать данное мне обещание и задержать меня в лазарете подольше, но через неделю ему все равно пришлось меня выписать. Тем более, что постоянно приносимые им пирожки немало поспособствовали приобретению мною более здорового вида.

– Я распорядился об усиленном питании, – хмуро сказал он, делая отметки в журнале. – И не вздумай делиться своей пайкой с кем-то еще, если, конечно, не хочешь избавиться от товарки – начальник велел охране присматривать за тобой. Поймают ту, что возьмет у тебя в столовой хоть крошку – высекут похлеще, чем Красотку.

Блондинка все еще металась в горячке, раны на ее спине никак не заживали, воспаляясь снова и снова. Док подозревал, что Лютый вымочил кнут в какой-то дряни, но доказательств у него не было. Да и не стал бы он связываться с начальником охраны из-за Красотки.

– А вы не знаете, за что ее так? – впервые за время своего нахождения в лазарете осмелилась спросить я.

– За дурость, – сухо бросил Док. – Должна была знать, раз уж с Лютым связалась, что он теперь над ней хозяин. И ублажать она его должна так, как он прикажет. А дура-девка мало что отказала, так еще и в морду ему плюнула. При свидетеле.

Меня опять заколотила дрожь. Известие о случившемся с Красоткой навевало крайне неприятные мысли о собственной судьбе. Как скоро я опять окажусь в лазарете, на сей раз после побоев? А еще ужасала догадка о том, чего именно потребовал от любовницы Лютый. Раз уж унизили его при свидетеле...

– Я напишу прошение, чтобы тебя оформили моей помощницей, – переменял тему Питерс. – Мне начальник давно обещал выделить кого-нибудь.

– Думаете, согласится? – уныло спросила я.

– Посмотрим. Вроде бы повода отказать у него нет, но когда это Норту Андерсу требовался повод? Для него существуют только собственные желания.

И все же слова Дока хоть и немного, но приподняли мне настроение. Работа в лазарете уж всяко будет легче, нежели в холодной мастерской. Только бы начальник подписал его прошение.

– Эй, Дамочка! – окликнул меня охранник, когда я только вышла на крыльцо. – А я как раз за тобой.

– К начальнику? – едва выговорила я вмиг пересохшими губами.

– Да зачем ты ему сдалась? На свиданку, пришли к тебе.

Странно, очень странно. До визита Двина оставалось еще три дня. Мне стало очень тревожно. Что же могло произойти, чтобы друг решил непредвиденно навестить меня?

Перед моими глазами проносились разнообразные картинки, одна другой страшнее. За несколько минут я успела напридумывать себе столько всяческих ужасов, что даже страх перед Андерсом померк. Оставшееся до домика расстояние я уже бежала, задыхаясь, с колотящимся где-то у горла сердцем. Рванула хлипкую дверь, влетела в жарко натопленную комнату – и замерла. У стола стоял вовсе не Двин. Ноги затряслись, и я, сделав несколько шагов, упала на шаткий стул и молча уставилась на высокого темноволосого мужчину с зелеными глазами. Он, в свою очередь, рассматривал меня с недоумением и молчал. Наконец тягостная тишина надоела мне и я грубо спросила:

– Чему обязана?

Визитер помолчал еще несколько мгновений, пристально вглядываясь мне в лицо, а потом наконец заговорил:

– А ты изменилась. Очень изменилась, Тиали.

– Понятно, – вздохнула я. – Явился позлорадствовать. Доволен?

Он не стал отрицать и оправдываться. За что Марка Грена всегда можно было уважать, так это за честность.

– Не так чтобы очень. Я принес тебе немного всякого-разного. Решил, что здесь вас деликатесами не потчуют. И, судя по твоему виду, не ошибся.

И он кивнул на большую туго набитую сумку у стены.

– Ее еще должны проверить, – злорадно сообщила я. – Не факт, что после проверки все содержимое достанется мне.

Не знаю, чего именно ожидал Марк – не то, что я рассыплюсь в благодарностях, не то, что кинусь потрошить сумку – но после моих слов он нахмурился.

– Пусть только попробуют взять что-либо себе!

Я хотела съязвить, что за нетронутые сумки полагается отдельная плата, но запоздало сообразила, что домик для свиданий разительно преобразился. Во-первых, в нем было тепло. Во-вторых, на полу лежали домотканые коврики, а в углу стояло невесть где раздобытое кресло. Определенно, Марк внушал охране куда больший трепет, нежели Двин. Мысль о том, что он просто заплатил больше, я отвергла.

– И все-таки – зачем ты приехал?

– Хотел увидеть тебя, – ответил он. – Все-таки не каждый день на меня нападают с ножом. Твой поступок был... весьма оригинальным. Я-то полагал, что все наши разногласия мы будем решать исключительно при помощи словесных дуэлей.

– Увидел? – я никак не желала обсуждать с ним тот злосчастный день и свое поведение.

– Увидел, – он вздохнул. – Тиали, я вовсе не ожидал, что ты очутишься в таком месте. Думал, тебя сошлют в какую-нибудь обитель. Мне жаль, что так вышло, правда. Я попробую вытащить тебя отсюда, обещаю.

Я горько усмехнулась. Была у Грена такая мерзкая привычка – лезть не в свое дело, при этом искренне полагая его своим.

– Благодарю, но не стоит, – отказалась я. – И потом, мне отчего-то кажется, что подобная благосклонность выйдет мне боком. Или я не права?

– Ты знаешь, как именно можешь расплатиться, – усмехнулся Марк. – А теперь, раз уж нам любезно отвели время до вечера, я намерен накормить тебя обедом и рассказать последние новости.

– Я в курсе всех новостей, – отрезала я.

В конце концов, Двин всегда пересказывал мне свежие сплетни.

– Неужели? – усмешка Марка стала совсем уж издевательской. – Сомневаюсь, что твой друг доложил тебе о скорой свадьбе Гарта. Скорее, поберег твои нервы.

Я задохнулась, будто от сильного удара в живот. Конечно, я не рассчитывала, что Гарт будет хранить мне верность, но никак не ожидала, что он соберется жениться столь скоро.

– Меня это не интересует, – с трудом выдавила я.

– Вот как? И ты даже не спросишь, кто счастливая невеста?

Я поднялась на ноги и вздернула голову. Держать спину прямой, а подбородок – приподнятым стоило мне невероятных трудов, но я не желала показывать Грену свою боль.

– Похоже, ты действительно явился поиздеваться. Сожалею, но я не собираюсь продлять твое удовольствие, Марк Грен. Счастливого оставаться.

И решительно вышла из домика. Мне хотелось броситься прочь со всех ног, но я заставляла себя идти медленно, подозревая, что Марк смотрит в окно мне вслед. И лишь завернув за угол, ускорила шаг, а затем и вовсе перешла почти на бег.

Разъяренная беседой с Марком, я не сразу заметила, что в бараке произошли кое-какие перемены.

– Новеньких привезли, – тихо пояснила мне Берта. – Лютый среди них уже замену Красотке присмотрел. Вон ее.

И она кивнула на высокую пышную брюнетку, что-то громко вещавшую и хохотавшую, невзирая на лагерные правила. Сидела при этом брюнетка на койке, закинув ноги на тумбочку, причем не на свою. Я покачала головой. Наглых Лютый, конечно, любит... учить и ломать.

– Быстро они.

– Ага, – шмыгнула носом Берта. – Эта себя уже королевой почувствовала. Решила, что ей все позволено. Видишь, копыта свои на Рискину тумбочку забросила? А Риска ей слово поперек сказать боится.

– Ладно, поглядим, сколько она продержится. И мои вещи трогать я ей не советую. Мышка! – окликнула я худенькую русоволосую девушку. – Иди к нам.

Мышка бесшумно скользнула к моей кровати. Ее худоба была уже даже не болезненной, а какой-то прозрачно-бестелесной. Историю Мышки я тоже уже знала, пусть она и не рассказывала ее, как Берта, всем желающим. Отчим Мышки, которую тогда еще звали Нормой, решил подзаработать на падчерице и продал ее в бордель. Норма, казавшаяся хрупкой и беззащитной, умудрилась отломать ножку стула и успела порядком покалечить хозяйку, пока ее не скрутила охрана. Жалела Мышка только об одном – отчим успел смыться до того, как падчерица сообщила, куда именно он ее привел. Он-то наплел девушке, что ее возьмут в приличный дом прислугой. О том, что сделали с ней в борделе до того, как передали городской страже, Мышка предпочитала молчать, а я не лезла с расспросами. Лишь раз она обронила, что жива осталась лишь потому, что сутенерша желала "увидеть эту тварь за решеткой".

– Как ты, Дамочка? – спросила она. – Получше?

Я кивнула.

– Да, Док свое дело знает.

– А я тебе говорила – нечего еду свою отдавать, – неожиданно зло прошипела Мышка. – А ты заладила, что тебе эта дрянь в рот не лезет. Так и знай, я больше у тебя ни кусочка не возьму, и Нетке запрещаю. И ты, Берта, брать не смей, даже если упрасивать будет.

– Не буду я больше делиться, – устало сказала я. – Начальник велел присматривать, чтобы я все съедала.

Глаза моих подруг округлились.

– Сам господин Андерс, что ли? – недоверчиво спросила Берта.

– А что, у нас есть еще один начальник? Ну разве что Лютый мнит себя важной шишкой, – усмехнулась я.

Лютого я почти не боялась. Слишком уж любил тот золото, что щедрой рукой отсыпал ему Двин.

– Не к добру этот интерес, – заметила Мышка.

– А может, господин Андерс после того, как Дамочка в обморок грохнулась, забоялся, что она этак и очокурится здесь, а ему по шапке настучат? – предположила более наивная Берта. – Все-таки дружок твой, Дамочка, он ведь человек не из последних, так?

– Не из последних, – подтвердила я без тени улыбки. – Вот только на Норта Андерса он влияния не имеет.

– А жаль, – протянула Берта. – Иначе ты так могла бы здесь устроиться – куда там этим. И она бросила недобрый взгляд на смеющуюся брюнетку.

О том, как именно я могла бы устроиться в лагере, начальник проинформировал меня на следующий же день. Лично. Когда после завтрака охранник сообщил, что господин Андерс вызывает меня к себе, я сразу же поняла, что мне следует готовиться к худшему. Припомнились шарящие по моему телу руки, и к горлу сразу же подкатила тошнота. Пожалуй, это испытание окажется мне все-таки не по силам. Однако же пока я шла к административному корпусу, меня осенило, каким именно образом я могу попытаться избавиться от домогательств Андерса.

Мне пришлось долго ждать в приемной. Все правильно, мне напоминают, где именно теперь мое место. А когда Норт Андерс распорядился все же впустить меня, то тут же отправил своего секретаря с каким-то поручением. Ничего хорошего мне это не сулило.

– Заключение двести семнадцать дробь пятнадцать по вашему распоряжению прибыла, – отрапортовала я.

– Подойди, – распорядился Андерс.

Я сделала несколько шагов и остановилась, лишь немного не дойдя до его стола. Присесть мне начальник не предложил, напротив, встал сам.

– Сегодня я получил прошение от Питерса. Ему нужна помощница для работы в лазарете, и он просит тебя. Что скажешь?

– А что я могу сказать? От меня здесь ничего не зависит.

Андерс сделал шаг ко мне, приблизившись почти вплотную. Мне стоило больших трудов не отшатнуться. В его темных глазах разгорались жадные огоньки, на узком смуглом лбу выступили капли пота.

– Зря ты так, – укоризненно сказал он. – От тебя зависит многое. Ты устала от тяжелой работы в холодной мастерской? Отчего не пришла ко мне и не сказала?

Несмотря на душную волну страха, затопившую меня, я едва не рассмеялась. Как он представлял себе подобный разговор?

– Я не могу пожаловаться на свою работу, сэр.

– И все же ты устала. Ты недоедаешь. Да ты едва не умерла от истощения! А ведь ты могла бы жить совсем неплохо. Не так, как раньше, конечно, но и не так, как сейчас.

Если Андерс и ожидал, что я начну задавать какие-либо вопросы, то напрасно. Я молчала. Тогда он протянул руку и погладил указательным пальцем мои губы. И вот здесь я все-таки совершила ошибку. Я отбросила его руку и отвернулась к окну.

За окном опять повисла снежная пелена. В белой мгле с трудом просматривались темные фигуры: заключенных вели на расчистку двора. Работа тяжелая и бессмысленная, поскольку только что расчищенные места тут же засыпало снова, но я захотела оказаться там, на морозе, с лопатой в окоченевших немеющих руках, а не здесь, в уютном тепле кабинета.

Андерс сделал еще шаг и теперь стоял вплотную ко мне. Я чувствовала идущий от его тела жар и слышала тяжелое хриплое дыхание.

– Не бойся меня, – тихо сказал он.

Его руки легли на мою талию, сжали, потом продвинулись выше и накрыли грудь. Меня передернуло от отвращения.

– Ты ведь знаешь, что я – полноправный хозяин этого богами позабытого места. Моя власть здесь безгранична, мое слово весомее, нежели слово короля. Тебе вовсе не обязательно жить в бараке и погибать от холода в мастерской, хлебать пустую похлебку и ходить в общий душ, мыться под едва теплой водой по расписанию.

Жаркое дыхание обожгло шею, горячие губы скользнули по мочке уха, ладони на моей груди сжались сильнее. Только не вздрогнуть и не отстраниться, не дать почувствовать свой страх!

– Подумай, – хрипло прошептал начальник лагеря. – У тебя будут совсем иные условия. Ты ведь не продержишься долго. Твои нежные руки загрубели от работы, ты похудела от недостатка еды, по ночам тебя мучает кашель. А я умею ценить женскую ласку. Соглашайся – и твоя жизнь сразу же переменится. Твоя кожа вновь станет мягкой и белой, без грубых мозолей. У тебя будет вкусная еда и мягкая постель. А вся твоя работа будет заключаться лишь в том, чтобы удовлетворять мои желания. Довольно простые, надо сказать. Ничего необычного. Я не Лютый, измываться не буду. Разве что иногда захочу чего-то... особенного.

И еще теснее прижался ко мне, так, что я почувствовала ягодицами выпуклость у него в паху.

Я развернулась так резко, что он даже отшатнулся.

– Боюсь, мой любовник не оценит подобные перемены, сэр. А уж о том, насколько далеко простирается его влияние, вам прекрасно известно. Вы совсем не дорожите своим местом?

– О ком ты сейчас? – удивился Андерс. – О твоём приятеле Двине? Думаешь, я опасюсь его?

– Нет, не о Двине, – я злорадно улыбнулась. – Мой любовник – Марк Грен.

Я и сама не понимала, с чего мне вдруг взбрело в голову придумать несуществующую связь с Греном. Должно быть, от испуга я выпалила первое, что пришло мне на ум. Но если Док прав, то Андерс, как и положено трусу, не решится вступать в противоборство с самим королевским магом и покушаться на его собственность. А в том, что в глазах Норта Андерса женщина могла быть только лишь собственностью мужчины, но никак не полноценной личностью, я была уверена.

– Ты врешь, – прошипел начальник. – Он не может быть твоим любовником. Он и навещал-то тебя вчера впервые – не иначе, желал выпытать какие-то сведения.

– И с этой целью притащил мне целую сумку лакомств? Кстати, он ведь еще не знает, что мне так ничего и не досталось.

– Он допустил, чтобы тебя осудили, – не сдавался Андерс. – И вчера пришел впервые, хотя твой друг появляется регулярно.

– Естественно, – пожала я плечами. – Он был на меня обижен. Все-таки я едва не убила его. Но, как видите, желание увидеть меня пересилило даже обиду. А теперь могу я идти?

– Ступай, – нехотя отпустил меня начальник. – Но если он не появится вновь...

О том, что тогда произойдет, я думать совсем не хотела. Слишком уж страшные это были мысли.

Не успела я войти в казарму, как дверь снова распахнулась, и охранник втащил вчерашнюю сумку. Я хмыкнула – судя по ее неаккуратному виду, содержимое только что в спешке заталкивали обратно.

Берта подошла поближе, якобы желая расспросить меня о разговоре с начальником, но то и дело бросая жадные взгляды на видневшиеся свертки. Прямо попросить угощение ей мешали изобретенные ею же самой непонятные "правила приличия", поэтому она старалась ограничиваться тонкими на ее взгляд намеками. Я улыбнулась.

– Позови Мышку и Нетку и будем разбирать это добро.

Счастливо взвизгнув, Берта бросилась разыскивать девчонок. А к моей койке принялись подтягиваться прочие обитательницы барака в надежде, что и им перепадет хоть малая толика. Я в очередной раз воздала хвалу всем богам за жадность Лютого: если бы не сие, несомненно, порочное качество начальника охраны, у меня просто-напросто отняли бы передачу. Но Лютый, честно отработавший полученное от Двина золото, в свое время при помощи кнута доходчиво объяснил заключенным, что меня обижать нельзя.

Вернулась Берта, таща на буксире Мышку и Нетку. Судя по расплывшемуся по бараку запаху дешевого табака, девушки опять курили на улице. Я поморщилась, но промолчала. У меня был Двин, у Берты – мечта, а девчонкам не за что было цепляться в этой жизни. У Мышки не осталось дома, ведь ясно было, что к отчиму она не вернется. А Нетка тоже была одинокой и никому не нужной. Тетка, воспитывавшая ее после смерти родителей, отказалась от племянницы, когда ту обвинили в воровстве. Напрасно Нетка убеждала ее, что ничего не брала. Ее, прислугу в богатом доме, оклеветала хозяйка, узнав о связи своего сына с горничной. Наследника отправили к дальним родственникам, а Нетку – под суд.

– Сама виновата, – хмуро рассказывала она мне. – Надо было деньги, что хозяйка предлагала, взять и уйти, кланяясь. Так нет же, стукнуло мне в голову сказать, будто я от ее сынка беременна и пойду требовать справедливости в храме. Вот по дороге к храму меня и схватили, а в кармане плаща нашли узелок с драгоценностями.

– А ребенок?

Ребенка Нетка выкинула, не выдержав тягот общей камеры и допросов, сопровождавшихся избиениями. Причем подозревала, что и здесь без бывшей хозяйки не обошлось. И мечтала она теперь только об одном – отомстить, выйдя на свободу, несостоявшейся свекрови.

– Ну вот, проблема жилья для тебя никогда не будет актуальной, – горько пошутила я, когда Нетка поделилась со мной своими планами. – Во второй раз получишь пожизненное.

Но девушку подобная перспектива не напугала, а я не могла осуждать ее. Кто знает, как бы я вела себя на ее месте?

Сейчас же Мышка и Нетка чинно уселись, сложив руки на коленях, а Берта возбужденно прохаживалась туда-сюда по узкому проходу. Шаг – поворот, шаг – поворот.

– Приступай уже, – распорядилась я. – Выберите себе, что понравится, а остальное раздайте.

– А как же ты, Дамочка? – тихо спросила Мышка.

– А я не хочу.

Берта и Нетка уже зарылись в сумку едва ли не по пояс, а Мышка все сверлила меня пронизательным взглядом.

– Это ведь не твой друг принес, да? – спросила она. – Кто-то другой?

– Другой. И я от него ничего не хочу, – отрезала я.

Мышка подошла ко мне и положила руку на плечо.

– И зря, – спокойно произнесла она. – Как бы ты ни относилась к тому, кто принес тебе продукты, ты все равно должна хоть немного поесть. Ты должна выжить, понимаешь? Выжить и выкарабкаться. А у тебя совсем не осталось сил. Возьми и себе что-нибудь. Эти, – кивок на столпившихся всего в нескольких шагах товаров по несчастью, – сожрут все в пять минут. Быть может, даже скажут спасибо. Но тебе легче не станет.

Пожалуй, Мышка была права. Как бы я ни поступила с принесенными Марком продуктами, он все равно никогда об этом не узнает. Так перед кем я изображаю неприступную крепость? И я тоже потянулась к высыпавшимся на пол упаковкам. Мышка, заметив мой жест, улыбнулась и ловко схватила пакет с печеньем.

Когда у моей кровати возникли четыре высокие горки из разнообразных свертков, я подтолкнула сумку с остатками деликатесов к безмолвно наблюдавшим за нами заключенным.

– Угощайтесь, девочки.

Конечно, они поблагодарили. Некоторые даже кланялись в надежде, что в следующий раз им достанется побольше. На лице честной и прямой Мышки появилось брезгливое выражение. В отличие от меня, ей в свое время пришлось отстаивать право на независимость в драке, потому она до моего попадания в лагерь ни с кем здесь и не сходилась. А через неделю после меня здесь оказались и Берта с Неткой. Больше наша маленькая компания ни в ком не нуждалась.

Новенькая брюнетка, наблюдавшая за нами из другого конца барака, теперь взялась руководить разделом добычи.

– Шустрая, – определила Нетка, вытаскивая шоколадку. – Высоко взлетит, если крылья не порежут.

– Да ладно тебе, – скривилась Мышка. – Все они в результате приземляются в одном и том же месте – в лазарете, на койку. Рано или поздно и эта Лютому надоест. Хорошо еще, что он любит таких вот, пухленьких, так что нам его внимание не грозит.

Протягивая руки к камину, я со вздохом констатировала, что ради Двина охранники и не подумали суетиться так, как ради Марка Грена. В домике вновь было холодно, несмотря на весело пляшущий огонь.

– Поешь? – спросил друг, кивком указывая на стол. – Мне тут жареную курицу с кухни выделили.

– Позже.

Я действительно не была голодна, благодаря все тому же Марку. Передал он много разных вкусовностей, и часть из них еще дожидалась своего часа в моей тумбочке. Двин удивленно посмотрел на меня.

– Тиа, а ты выглядишь гораздо лучше, чем в прошлый раз. Правда, как будто к тебе возвращается жизнь. Ты что-то надумала?

– Скажи-ка мне, дорогой мой друг, – произнесла я, игнорируя его вопрос, – как поживает Гарт?

– У него все в порядке, – фальшиво бодрым голосом ответил Двин. – Вот только за тебя переживает.

– Так сильно переживает, что даже свадьбу затеял, лишь бы отвлечься? – ядовито спросила я.

Двин растерялся.

– Но как ты?.. Откуда?..

– Значит, правда, – вздохнула я. – Ну что же, смысла скрывать не вижу. Меня навещал Марк Грен.

Мой друг выглядел так, будто я с размаху огрела его чем-то очень тяжелым.

– А этому что здесь понадобилось?

– Поесть принес, – честно ответила я. – Целую сумку с деликатесами притащил.

Двин заковыристо выругался. Я подождала, пока он дойдет до предков Марка в пятом колене, а потом напомнила:

– Так на ком там женится Гарт?

– Все равно ты узнаешь, – уныло сказал друг. – На Лилиане.

– Чудесно! Просто замечательно! Мой бывший жених и моя же, опять-таки бывшая, лучшая подруга! И когда ты думал осчастливить меня сим радостным известием?

– Тиа, – Двин взял меня за руку. – Тиа, я боялся, что эта новость попросту убьет тебя. Ты ведь на себя похожа не была, от тебя тень осталась. Я даже опасался, что ты попросту сломалась.

– Ладно, – хмуро сказала я. – Забыли об этих предателях. У нас и без них хватает тем для разговора. И давай уже есть курицу, что ли.

Двин просиял и подвинул мне стул. Но я то и дело ловила на себе его настороженные взгляды.

Когда еще через два дня меня вновь вызвали в домик для свиданий, я не сомневалась, кого там увижу. И отказалась бы, не будь Андерс уверен в том, что Марк Грен – мой любовник. А отказ от свидания с любовником выглядел бы подозрительно.

– Здравствуй, Тиали, – тихо произнес Марк, когда я закрыла за собой дверь. – Я тебе еды принес. И теплые вещи.

Я даже благодарить не стала.

– Не положено. У нас у всех одинаковые роботы. Ты должен был узнать, прежде чем тащить сюда эти тряпки.

– Вот еще, – фыркнул Марк. – В прошлый раз я заметил, что ты мерзнешь. И ты будешь носить то, что я тебе купил. Пусть только кто-нибудь посмеет тебе запретить.

Надо же, какой внимательный! Хотя, пожалуй, трудно не заметить то, как я зябко обхватываю себя за плечи. И сейчас, несмотря на жарко натопленный камин и жаровню в углу, я не спешила сбрасывать с себя тулуп. Замерзшее тело все никак не могло согреться.

С огромным удовольствием я и на сей раз ушла бы в казарму, хлопнув дверью, но не сомневалась, что о моем поведении тут же доложат Андерсу. Значит, надо протянуть хотя бы пару часов. Приняв решение вести себя так, будто я нахожусь в домике одна и никакого Марка здесь нет, я бросила тоскливый взгляд в окно. Снег наконец-то перестал, и я заметила направляющуюся к домику темную фигуру. Сердце пропустило удар – Андерс! Явился лично проверить мои слова!

Времени на раздумья у меня не было. И поскольку на данный момент наибольшую опасность для меня представлял начальник лагеря, я метнулась к Марку, обвила его шею руками и прильнула к нему всем телом.

– Что с тобой, Тиали? – удивился он, не сделав, впрочем, попытки отстраниться.

– Поцелуй меня, – велела я, запрокидывая голову и подставляя губы. – Быстрее! Ну же!

И поскольку Марк неподвижно замер, приподнялась на цыпочки и сама прильнула к его губам. Губы Марка тут же приоткрылись мне навстречу, а затем его язык скользнул мне в рот. Признаться, я не ожидала такого горячего ответа, но сейчас была даже довольна – Андерс увидит весьма живописную картину. Я зарылась пальцами в темные волосы и почувствовала, как сильные руки обхватывают мою талию. Рядом хлопнула дверь, и мы с видимой неохотой оторвались друг от друга.

– Какого демона? – возмущенно прорычал Марк. – Андерс, что вы здесь позабыли?

– Я пришел проверить, всем ли вы довольны, господин Грен, – произнес начальник, угодливо кланяясь. – Быть может, вам нужно что-нибудь еще?

Марк бросил быстрый взгляд на меня и ухмыльнулся.

– А сами догадаться не могли? Разумеется, нам нужна кровать. Конечно же, здесь имеется стол, но он выглядит довольно хлипким. Боюсь, что он может развалиться.

– Я все понял, господин Грен, – сказал явно смущенный начальник. – Не волнуйтесь, сейчас все будет. Вам не придется долго ждать.

В тот момент я как никогда была близка к убийству Марка Грена. Будь у меня в руках нож, на сей раз он не отделался бы пустяковой царапиной.

А этот негодяй принялся демонстративно стаскивать с меня тулуп и разматывать шерстяной платок. Едва за Андерсом захлопнулась дверь, я отскочила в сторону и прошипела:

– Ты что себе позволяешь?

– И это вместо благодарности? – иронически бросил Марк. – Давай еще залепи мне пощечину. Вот только когда этот тип вернется, я скажу, что он все неправильно понял и нас с тобой не связывают никакие отношения. Ты ведь хотела его убедить, будто между нами что-то есть? Или я тебя неверно понял?

– Верно, – вынуждена была признать я. – Только зачем было требовать кровать? Да еще упоминать этот несчастный стол? Я что, похожа на женщину, способную отдаться мужчине прямо на столе?

Марк придал своему лицу удивленное выражение.

– Откуда мне знать, Тиали? Все-таки наши отношения были не настолько близки, чтобы я мог судить о твоих интимных предпочтениях. Но вот я никак не являюсь мужчиной, способным довольствоваться только поцелуями. И если уж я преодолел такое расстояние ради своей любовницы, то, за неимением удобной постели, согласен довольствоваться и столом. Позволить кому-либо думать иначе – значит нанести серьезный урон своей репутации.

– Какой репутации? Неисправимого бабника? – съязвила я. – Так я тебя разочарую: никогда подобных сплетен о тебе не распускали.

– Репутации настоящего мужчины, – нимало не смутившись, парировал он.

И внезапно опустился на стул, рывком притянув меня к себе на колени.

Я догадалась, что он увидел идущих к домику охранников. Уселась поудобнее, перекинув ногу через его бедра, и обвила руками его шею. Рука Марка задрала мой подол и поползла вверх по ноге, вторая легла на спину.

– Так мы не договаривались! – возмутилась я.

– Замолчи и поцелуй меня, – шепнул он. – Или хочешь порадовать Андерса ссорой любовников?

Страх подстегнул меня даже сильнее, нежели страсть. Я склонила голову и поймала губами приоткрытые губы Марка. Несмотря на всю нелепость ситуации, я вынуждена была признать, что целовался он просто превосходно – много лучше, чем в юности. Если бы этот поцелуй состоялся в иной обстановке, я бы, пожалуй, даже получила определенное удовольствие. А сейчас могла думать только о том, чтобы произвести достоверное впечатление, потому изогнулась в руках Марка, открывая ему доступ к шее и несколько отстраненно думая о том, что на коже непременно останутся следы. Я как раз решала, надо ли начать постанывать, или и так обойдется, когда спину обдало холодным воздухом от распахнувшейся двери, а затем раздалось негромкое покашливание.

– Господин Грен, – произнес начальник, – взгляните, вы теперь всем довольны?

Увлеченный Марк нехотя поднял голову, а я обернулась. Охранники споро устанавливали у стены койку и застилали ее свежим бельем без потертостей и дыр. Андерс смотрел на нас с Марком во все глаза и облизывал губы.

– Нет, я недоволен, – ответил Марк, крепче стискивая меня. – Почему на окне нет занавески? Я не допущу, чтобы за мной и моей женщиной подглядывали.

– Господин Грен, подобное и в голову никому не могло прийти, – слабо принялся отнекиваться начальник.

– Я сказал – занавесить окно! – рявкнул Марк.

– Конечно, разумеется! Герберт! Ты слышал, что сказал господин Грен? Исполнять немедленно!

Названный Герберт ошпаренной кошкой метнулся прочь и вскоре прибежал обратно с каким-то свертком в руках. Когда он его развернул, мне стоило больших трудов удержаться от нервного смеха: похоже, Герберт содрал с одного из столов в административном корпусе скатерть в сине-красную клетку. Теперь у охраны возникла очередная задача: каким-то образом занавесить этой скатертью окно. Не мудрствуя лукаво, охранники притащили молоток и гвозди и принялись прибивать ткань к стене. Марк с любопытством наблюдал за их возней, не забывая изображать пылко влюбленного. Он то гладил мою ногу, то целовал шею, то слегка прикусывал ухо. И каждый раз мне хотелось вскочить с его колен, но я не просто терпела, а склоняла голову ему на плечо, гладила пальцами по щеке или зарывалась ими в густые темные волосы. Вскоре я с ужасом поняла, что Марку подобные игры даже нравятся. Похоже, что ситуация, в которой мы оказались, возбуждала его. И когда охранники, непрерывно кланяясь, захлопнули за собой дверь, я мигом вскочила и отпрыгнула в угол.

– Куда же ты, любовь моя? – издевательски протянул Марк. – Разве зря добрый начальник сего милого заведения любезно оборудовал нам столь уютное ложе? Неужели ты не желаешь воспользоваться его добротой?

Кровь ударила мне в голову. Зло сузив глаза и не отрывая от Марка взгляда, я подошла к койке. Сбросила грубые башмаки, стянула через голову робу, а затем избавилась от чулок и белья. Очень хотелось гневно побросать вещи на пол, а еще лучше – в ухмыляющуюся физиономию Грена. Но отсутствие обширного гардероба способно кого угодно вынудить аккуратно обращаться с одеждой. Потому я повесила свои жалкие вещички на спинку стула, а затем вытянулась на кровати поверх покрывала.

– Приступай! Чего ждешь?

По лицу Марка было невозможно угадать, о чем он думает. Впрочем, он всегда славился способностью сохранять невозмутимый вид в любой ситуации. Я сцепила зубы и зажмурилась, но не смогла побороть дрожь. Признаться, начиная эту авантюру, я ждала, что Марк вот-вот остановит меня, велит одеться, скажет, что пошутил. Но, похоже, я жестоко ошиблась. Что же, сама виновата – самой и расплачиваться. Лучше уж Марк Грен, чем Норт Андерс.

Койка скрипнула и прогнулась под весом мужского тела. Мои мышцы непроизвольно напряглись, в носу предательски защипало. Некоторое время ничего не происходило, а потом теплая рука погладила меня по животу. Я всхлипнула и сжалась в комочек.

– Ты так исхудала, Тиали, – грустно сказал Марк. – И изменилась. А я уж думал, что вижу тебя прежнюю. Когда ты сдирала с себя эти тряпки с таким видом, будто желаешь швырнуть мне их в лицо – я ведь не ошибся? А потом что-то переменялось, и привычная мне Тиали, готовая вцепиться мне в горло, пропала. Оденься. Я не насильник, что бы ты там обо мне ни думала.

И он встал с кровати. Когда я открыла глаза, Марк стоял у окна и водил пальцем по красным клеткам на импровизированной занавеске: одна диагональ, вторая. С горящими от стыда щеками я рывком натянула на себя робу. Бушевавшие во мне чувства требовали выхода, и я, не подумав, выпалила:

– Что, даже поцеловать побрезгуешь?

И тут же прикусила язык, сообразив, что и кому я только что сказала. Но было уже поздно – Марк прекрасно расслышал мои слова.

Двумя огромными шагами он преодолел разделявшее нас расстояние, схватил меня за плечи и впился в мои губы. Этот поцелуй был грубым и жестким, словно Марк желал наказать меня за брошенную фразу. Он не считался с моими желаниями, а покорял и завоевывал. Его руки скользнули вниз по моей спине и крепко сжали ягодицы, прижимая теснее к его телу. Я

почувствовала, что грубые ласки возбудили его, но на сей раз не испугалась, а ощутила мрачное удовлетворение. Значит, я вовсе не так уж и безразлична ему, как он старался показать. И меня, несомненно, обрадовало то, что чувствовал он ко мне далеко не только жалость.

Я подалась к нему сильнее, прижимаясь грудью к его груди, вцепилась пальцами в его плечи. Марк оторвал меня от пола и опустил на кровать, а затем я ощутила на себе тяжесть его тела. Не прерывая поцелуя, я обвила его руками и ногами. Наконец перед глазами начали вспыхивать разноцветные круги от нехватки воздуха, и Марк оторвался от моих губ. Подол робы оказался задран, и его руки гладили мои обнаженные бедра. Я прижалась губами к его шее, а затем слизнула с нее каплю пота.

– Тиали, – хрипло выдохнул он.

Я нажала руками на его плечи, заставляя перевернуться так, чтобы я оказалась сверху, а затем принялась расстегивать его рубашку и покрывать поцелуями обнажающуюся кожу. Марк потянул мою робу вверх, и я покорно подняла руки, позволяя избавиться себя от ненужной одежды. Кожа словно горела в тех местах, где он прикасался ко мне. Мы снова перевернулись, и Марк вжал меня своим телом спиной в матрас. Притронулся быстрым поцелуем к губам, а затем скользнул ниже, слегка прикусил кожу у ключицы и, наконец, остановился на груди. Лизнул сосок, несильно прихватил его зубами. Я выгнулась и застонала, уже не соображая, где и с кем я нахожусь. Я понимала только одно – хочу этого мужчину, сейчас, немедленно! Хочу задышаться и кричать от страсти в его руках, сходить с ума под его ласками.

Губы Марка прижались к моему животу, язык скользнул во впадинку пупка. Его ладони крепко сжимали мои ягодицы, слегка приподнимая.

– Пожалуйста, – прошептала я.

Марк поднял на меня потемневший взгляд и... отстранился. А потом даже отвернулся.

– Нет, Тиали, – глухо произнес он.

– Почему? – я пришла в недоумение. – Ты ведь тоже хочешь.

И в подтверждение своих слов положила ладонь на твердую выпуклость у него в паху и слегка сжала пальцы. Марк вздрогнул, перехватил мою руку и поднес к губам.

– Хочу, Тиали. Безумно хочу и уже давно. Но не здесь и не сейчас. Не так. Если ты, когда окажешься на свободе, все еще будешь согласна... – голос его прервался, но я прекрасно поняла, что именно он хотел сказать.

Одевалась я молча, не глядя на него. И так же молча вышла из домика в морозные сумерки.

Я приложила ледяные ладони к пылающим щекам. Что со мной произошло? Как это могло случиться? Я едва не отдалась Марку Грену на узкой лагерной койке. Более того, я сама отчаянно его хотела и испытала неподдельное разочарование, когда он отстранился. Даже сейчас при воспоминании о его губах, прикасающихся к моей обнаженной коже, сладко заныло внизу живота. Как я могла пасть так низко?

Наверное, все дело в том, что я слишком давно не была близка с мужчиной. Вот только ласки Гарта никогда не разжигали во мне подобного огня. Нет-нет, я ненавижу Марка Грена! Терпеть его не могу! И когда снова окажусь на свободе, ни за что никогда не позволю ему прикоснуться ко мне. Гарт предал меня, но я молода и хороша собой – или буду снова хороша, когда немного отъежусь – и с легкостью найду себе нового жениха или хотя бы любовника. И даже не взгляну в сторону Грена. Просто сегодня я увлеклась придуманной для Андерса игрой, вот и случилось то, что случилось. Но больше это не повторится.

Успокоив себя таким образом, я направилась к бараку.

Почти все его обитательницы крутились неподалеку от моей койки. Причину такого поведения я обнаружила, пройдя всего несколько шагов: у моей тумбочки стояли две туго набитые сумки. Передача от Марка.

Наши семьи враждовали на протяжении многих веков. Семейные хроники гласили, что некогда один из Гренов обманом отобрал у моего предка растущий на границе между нашими землями лес. Подозреваю, что у самих Гренов имелась иная версия этой истории, но за давностью лет правда стала уже несущественной. Ибо слишком много лжи, предательства и даже крови разделило с тех времен некогда дружно живших соседей. К моему семнадцатилетию от давней вражды остались лишь глухие отголоски. Больше не вызывали друг друга на дуэль мужчины, не похищали женщин, дабы обесчестить их. Торны и Грены при встрече холодно раскланивались друг с другом и старались не посещать с визитами один и тот же дом одновременно. И это состояние холодной вежливой вражды затянулось бы на очередные несколько поколений, если бы не Марк.

Мне было семнадцать, ему – двадцать два. Я гостила у подруги, оказавшейся невестой его приятеля. Шумная компания молодых людей ввалилась в дом вечером, требуя устроить праздник, а уже на следующий день Марк был очарован мною. Разумеется, мы виделись и раньше, были представлены друг другу. Вот только беседовать нам прежде не доводилось. Теперь же мы вынуждены были общаться так, словно не было давней семейной вражды. Поступить иначе означало бы нанести обиду своим друзьям. Я старалась держаться в стороне от Марка, но все равно то и дело ловила на себе его восхищенный взгляд. Много ли нужно юной девушке, чтобы растаять под жаркими взглядами несомненно привлекательного молодого человека? Марк был не просто красив, но еще обаятелен и остроумен, и его внимание льстило мне.

Впервые он поцеловал меня во время утренней прогулки. Я даже не заметила, как мы отстали от остальной компании. Марк оказался на редкость интересным собеседником, и я не обращала внимания больше ни на кого, увлекшись разговором. Лишь когда он, озорно мне подмигнув, затащил меня за толстый ствол старого дуба, я спохватилась и обнаружила, что веселый смех и гомон слышны где-то далеко впереди.

– Ты чудо, Тиали, – шепнул Марк и обвел указательным пальцем контур моих губ.

Я догадалась, что сейчас случится, и ощутила одновременно и нетерпение, и испуг. Неловко признаться, но прежде я ни одному своему поклоннику не позволяла себя поцеловать. И теперь я немного боялась, что моя неопытность разочарует Марка.

Он прикоснулся к моим губам совсем легко, будто боялся, что я могу его оттолкнуть. И лишь когда я качнулась ему навстречу и приоткрыла губы, осмелел. Но все равно наш первый поцелуй можно назвать робким и достаточно невинным. А вот за ним уже последовал второй, взрослый – так я назвала его про себя. У меня ослабели ноги, глаза сами собой закрылись, а руки обвились шеей Марка. Никогда не доводилось мне испытывать ничего подобного. А когда он наконец отпустил меня, я смутилась. Что теперь он обо мне подумает? Мы ведь так мало знаем друг друга, а я уже столько ему позволила – целых два поцелуя!

– Я приеду просить твоей руки, – пообещал Марк, и я, не сдержавшись, рассмеялась от счастья.

Мы были так юны и беспечны, уверены в том, что весь мир радуется вместе с нами. Давняя вражда казалась нам в тот момент смешным предрассудком, старой полузабытой сказкой. Конечно же, мой отец не мог разрушить в угоду ей нашу любовь!

Как оказалось, смог. Он просто кипел от возмущения и велел слугам вытолкать Марка из дома. А меня выпорол и запер в комнате. И через неделю объявил о моей помолвке.

Я попыталась сбежать через окно, связав веревочную лестницу из простыней и покрывал, но была поймана, вновь выпорота и заперта. А мое окно украсилось прочной решеткой.

– Идиотка! – орал пришедший в бешенство отец. – Чуть шеей себе не свернула! И из-за кого – из-за щенка Грена! И это моя дочь! Поверить не могу!

– Я люблю его! – всхлипывала я. – Ну почему ты не желаешь понять, папа?

– Любишь! – передразнил меня отец. – А он смеется над твоей так называемой любовью.

– Нет! Он не такой! Ты совсем его не знаешь! Пожалуйста, папа, пожалуйста, позволь ему прийти и все объяснить.

– Тиали, – вздохнул отец, – позже ты поймешь, что я все делаю ради твоего блага. Нельзя верить Грену, никому из их гнилой семейки.

Но я только плакала и мотала головой, не желая слышать ни одного плохого слова о возлюбленном.

Я пыталась связаться с Марком, писала ему письма и передавала их через служанку. Много позже выяснилось, что горничная отдавала все записки моему отцу, но к тому моменту никакого значения это не имело. Мы с Марком уже враждовали.

Замуж за выбранного отцом молодого человека я так и не вышла. Сначала затягивала со свадьбой, а после смерти отца и вовсе разорвала помолвку, благо, очень вовремя подвернулся подходящий предлог. Не предупредив будущего супруга о своем визите, я застала его в постели с девицей весьма вульгарного вида. То, что она девица накануне получила от меня внушительную сумму, разумеется, было абсолютно неважным. А спустя год я познакомилась с Гартм.

Нас связывали деловые отношения, а потом мы решили, что будет вполне логичным объединить наши состояния в одно. Я не питала к жениху тех чистых нежных чувств, что некогда к Марку, но Гарт мне очень нравился. Я находила его интересным собеседником, он был остроумен и ироничен, вежлив и обходителен, мне было спокойно и уютно с ним – и я посчитала, что такой и должна быть любовь двух зрелых людей. Увлечение Марком я искренне полагала безумным порывом юности.

И вот теперь я осознала, сколь сильно ошибалась. Оказывается, полудетское чувство никуда не делось. Все это время оно тлело где-то внутри. Все мои пикировки с Марком были просто попытками задеть его, обратить на себя внимание. Но... но это ведь не любовь, разве не так? Я просто не могла себе позволить любовь к Марку Грену, особенно в нынешней ситуации.

На следующий день Андерс подписал прошение Дока и меня отправили в лазарет.

– Ты уж извини, Дамочка, – слегка смущенно говорил Питерс, расписывая мне мои будущие обязанности, – но сама знаешь, магия на территории лагеря не действует, так что уборку придется делать вручную. Полы, правда, моют дежурные, но вот протирать колбы и пробирки я им не доверяю. Зато у меня всегда тепло, есть чай и пирожки.

Я была готова обнять и расцеловать Дока, о чем ему и сообщила.

– Что такое тряпка после лопаты? А уж если меня в перерывах еще и угощать будут, так это и вовсе курорт.

– Хорошо, тогда сходи проверь, как там наша пациентка, а я пока чайник поставлю.

И Док принялся возиться со спиртовкой, а я направилась в палату к Красотке. Бывшая лагерная королева лежала на животе и разглядывала трещину на стене.

– Опять мазать будете, Док? – спросила она, не поворачивая головы. – Чегой-то кажется мне, что толку от мазей ваших никакого. Все равно рубцы останутся.

– Это не Док, – тихо возразила я.

– Дамочка? – изумленно спросила Красотка, дернувшись в мою сторону. – А ты чего здесь позабыла?

– Работаю я теперь здесь, Доку помогаю.

– Ишь ты, – присвистнула блондинка. – Повезло.

Рубцы на ее спине все еще были красные, воспаленные, пусть уже больше и не сочились сукровицей и гноем. Пожалуй, Красотка была права – напоминание о хлысте Лютого останется с ней на всю жизнь.

– Что, хороша я, да? – спросила она с кривой ухмылкой. – Никогда мне с мужиками не везло, а с этим я так и вовсе вляпалась с головой.

– Может, тебе попить дать? – говорить о Лютом мне было неприятно.

Но Красотка слегка покачала головой.

– Что, не желаешь выслушивать, да, Дамочка? Конечно, ты у нас особа нежная, деликатная, тебе подобные разговоры уши режут. Скажи, ты-то с мужиком своим хоть спала? Или он к тебе на свиданки ради поцелуев ездит?

Я не стала обижаться на бедняжку, но и отвечать на ее вопросы не собиралась, потому сухо сказала:

– Я пойду попрошу мазь у Дока.

– Постой! – Красотка ухватила меня за руку. – Не злись, ладно? Мне просто так тошно, ты себе даже представить не можешь. Я ведь для этого ублюдка все делала, что он только говорил, а он, сволочь, дружка привел. Сказал, что втроем хочет, ну я и не выдержала. И вот что получила. Я-то, наивная, надеялась, что нравлюсь ему хоть немного, да только Лютому все равно – со мной или с другой какой. Небось уже новую подружку себе отыскал, да?

– А он тебе нравился? – спросила я, чтобы не отвечать на ее вопрос. Все равно ведь узнает, так пусть хоть не от меня.

– Нравился, веришь? – Красотка хрипло засмеялась. – Он молодой, сильный, горячий. Подарки опять же мне дарил. Вот я, дура, и подумала, что все у нас будет, как у людей. А оно вон как вышло...

Слова блондинки все крутились у меня в голове, пока я осторожно смазывала ей спину мазью с резким неприятным запахом. Молодой, сильный, горячий, подарки дарил... Разве это не похоже на мою ситуацию с Марком? Мне стало самой от себя противно. Получается, я ничем не отличаюсь от Красотки – меня помани, и я пойду.

– Начальник сегодня зол, будто разбуженный посреди спячки медведь, – рассказывал Док, разливая чай в пузатые толстостенные кружки из глазированной глины. – Мне прошение едва ли не в лицо швырнул, охрану гоняет в хвост и в гриву, орет на всех благим матом. А охранники шепчутся, будто Марк Грен – твой любовник. Правда, что ли?

Я помотала головой.

– Нет, не правда. Но Андерс думает, что так оно и есть. Мы вчера хорошо постарались, убеждая его в этом. А кто печет вам пирожки, Док? Жена?

– Нет у меня жены, и тебе об этом прекрасно известно, Дамочка. А пирожки мне печет добрая старушка, у которой я покупаю еще и молока дважды в неделю. Не переводит тему. Так что у тебя с Марком Греном?

– Ничего у меня с ним нет. Не знаю, зачем он приезжает – наверное, выпытать что-то хочет.

– И что, много вопросов задал?

– Нет, – растерялась я. – Спрашивал только, как я здесь. Вещи вот теплые привез. Продукты опять же.

– Понятно, – усмехнулся Док. – Ну точно – желает что-то выпытать. Оттого и заботу проявляет, и вопросы не задает. Люди, когда им что-то узнать нужно, именно так себя и ведут. Кого ты обманываешь, Дамочка?

– Ну не знаю я, зачем он приезжал! – разозлилась я. – Он, если желаете знать, даже целовать меня не очень-то хотел, пока я первая не начала.

Питерс расхохотался, уже не стесняясь.

– Что, набросилась на бедного ничего не подозревающего мужика? И как он, сильно сопротивлялся? Отбивался, быть может? Звал на помощь?

За время, проведенное в лагере, я уже успела привыкнуть к грубоватому юмору Питерса, поэтому не обиделась, а расплылась в улыбке.

– Ну что вы, Док. Не до такой уж степени я подурнела, чтобы от меня мужчины шарахались.

– Дамочка, – голос моего собеседника внезапно стал очень серьезным, – оно, конечно, вовсе не мое дело, что за игру затеяла ты с Греном. Только помни: ты в безопасности, пока он тебя навещает. Понимаешь, ты не просто ускользнула от Андерса. Ты унизила его, сама того не желая. И он не упустит возможности отыграться. Так что держись за Марка Грена зубами и когтями.

– Держусь, – мрачно откликнулась я.

При воспоминании о том, как я сама предлагала Марку свое тело, щеки вновь обдало жаром. От желания немедленно пойти и удавиться от стыда спасала только мысль о том, что он сгорал от желания так же, как и я. Хотя он-то сумел остановиться...

Умница Док понял, что я не желаю продолжать тягостный разговор, и подsunул ко мне поближе очередную порцию пирожков. Сладких, с творогом и изюмом.

Норт Андерс зверствовал, срываясь на охранниках, а те отыгрывались на заключенных. Меня никто трогать не смел, а вот Мышка попала под раздачу. И из-за кого: из-за новой шлюхи Лютого! Ко мне в лазарет прибежала Нетка, вся в слезах, и сообщила, что Мышку увела охрана.

– У нее эта дрянь хотела шаль отнять, что ты подарила, – захлебываясь рыданиями, рассказывала Нетка. – А Мышка не дала. Вот эта сволочь Лютому и нажаловалась.

Я сцепила зубы. Так, спокойно, никому обидеть подругу я не позволю. Перед наказанием всех заключенных будут созывать ударом колокола, значит, надо разыскать Лютого еще до него. А с возмнившей о себе невесте что новой пассией начальника охраны я еще найду способ поквитаться. Самоуверенная завистливая дрянь!

Наспех накинув тулуп и даже не повязав голову платком, я выскочила из лазарета. Лютый обнаружился у административного здания, по счастью, в одиночестве.

– Дамочка? – удивился он, увидев меня. – Ищешь кого?

– Тебя, – я подошла поближе. – Разговор есть.

– Так говори, – Лютый отбросил папиросу. – Курить будешь?

Жест неслыханной щедрости. Чтобы начальник охраны предложил курево заключенной? Интересно, это благодаря золоту Двина или внезапно приобретенному мною статусу любовницы королевского мага Лютый так расщедрился? Я покачала головой.

– Не курю. Я слышала, мою подругу в холодную бросили и высечь собираются. Это правда?

– Твою подругу? – Лютый нахмурился. – Это мелкая такая, тощая? Точно, демон меня раздери! Она вечно возле тебя крутилась.

– Я заплачу, чтобы ее отпустили. Сколько хочешь? Двин отдаст.

– Слушай, Дамочка, ты у нас, конечно, птица высокого полета, но не наглей через край. Твоя подруга драку затеяла, я ее наказать должен.

– За то, что не захотела твоей девке мой подарок отдавать? Подумай, это пока я добрая, деньги предлагаю. А то и Марку пожаловаться могу, что меня здесь притесняют.

– Я уже сказал: не наглей, Дамочка. Пусть твой хахаль и важная шишка, но все равно ты здесь не хозяйка. А сколько дашь?

Торговались мы недолго – начальник охраны предсказуемо предпочел золото удовольствию от порки заключенной. Наконец довольный Лютый пообещал мне, что назначит Мышке всего пять ударов и бить будет вполсилы. А я оправилась обратно, в лазарет. Надо было написать Двину, чтобы снял деньги с моего счета. Письмо Лютый любезно согласился отправить лично.

Заключенные стояли молча, с хмурыми мрачными лицами, одна лишь брюнетка цвела улыбкой. То и дело кто-нибудь бросал на нее злобный взгляд. И дело было не в том, что Мышку любили в бараке. Нет, "тихоню" скорее недолюбливали, но и заносчивость новенькой никому не пришлась по душе. А уж методы, которыми любовница Лютого взялась добиваться понравившейся вещицы, и вовсе обозлили прочих заключенных. Каждая из них со страхом гадала, на чье имущество положит взгляд брюнетка в следующий раз. Почти у каждой была какая-нибудь милая сердцу безделушка, столь драгоценная здесь. Проходя мимо, я нарочно изо всей силы толкнула брюнетку, а затем и наступила ей на ногу. Гадкая девица скривилась от боли, но промолчала – видимо, насчет моего статуса ее уже просветили. А я не отказала себе в удовольствии прошипеть:

– Тебе не жить, стерва.

Брюнетка заметно побледнела, а я прошла дальше, к подругам. Нетка дрожала, в глазах ее стояли слезы. Берта упрямо смотрела в сторону, будто ее внезапно сильно заинтересовал флюгер на административном здании. Я тоже на мгновение бросила туда взгляд – флюгер и флюгер, флажок из потемневшего металла без особой фантазии. Незаметно сжала руку Берты и тут же выпустила, пока не заметили охранники.

Мышка шла спокойно, будто не на порку, а в столовую или в мастерскую. Только губы ее были сжаты в упрямую тонкую линию да яростно сверкали глаза. Когда с подруги сдирали робу, я изо всех сил сжала кулаки, так, что ногти до боли впились в ладонь.

– Пять ударов! – объявил Лютый.

По строю прошел тихий удивленный гул, Берта и Нетка облегченно выдохнули.

– А ну заткнулись! – прикрикнул один из охранников. – Рядом стать захотели?

– Всего пять ударов? – раздался возмущенный голос брюнетки. – Так мало?

– Ой, дура, – тихо пискнул кто-то позади меня.

Ничего не понимающую девицу уже выволакивали из строя и тащили к столбу. Лютый медленно подошел к ней. Мне показалось, будто правая щека у него дергается, но, поскольку я стояла не слишком близко, то уверенности не было.

– Значит, ты полагаешь, что я слишком добрый? – вкрадчиво спросил он. – Излишне мягкий?

Девица, несмотря на всю свою глупость, осознала, что ничего хорошего этот вопрос ей не сулит и промолчала.

– Отвечай!

От хлесткой пощечины голова брюнетки дернулась, на белой коже проступило яркое пятно. Кое-кто из заключенных злорадно заушмылялся – как я уже упоминала, за короткое время новая пассия Лютого многих успела настроить против себя. И теперь те, кто еще недавно заискивал перед ней, неприкрыто наслаждались ее унижением.

– Нет, я не то хотела сказать, я не подумала, – растерянно забормотала брюнетка.

– Чтобы в следующий раз думала, а не вякала, получишь пятнадцать ударов, – равнодушно бросил Лютый и принялся расстегивать меховую доху – предмет зависти ходивших в зимних мундирах подчиненных.

В шубах по лагерю расхаживали только Андерс и Лютый. Док, который за пределами лазарета волен был ходить в чем угодно, как правило, носил неприметное серое пальто.

Брюнетка обвисла на руках державших ее охранников. Ее губы беззвучно шевелились, по лицу катились слезы. Но никакой жалости у меня она не вызвала. Тихо вскрикнула Мышка – кнут оставил на ее спине первую ярко-розовую выступающую полосу, но крови не было. Второй удар, третий, четвертый, пятый.

– Отвязывайте и в лазарет, – небрежно бросил Лютый.

Я кинулась к подруге.

– Куда? – остановил меня громкий окрик охранника.

– Я теперь Доку в лазарете помогаю, пропустите, – выпалила я скороговоркой.

Охранник перевел неуверенный взгляд на Лютого, тот кивнул, разрешая. Подвываящую от страха брюнетку уже привязывали к столбу, и начальник охраны примеривался кнутом к спине своей любовницы. Первый же удар рассек кожу до крови, девица заорала благим матом. Дальше я уже не смотрела, только слышала ее крики.

– Мышка, сама идти сможешь? Вот так, обопрись на меня, моя хорошая. Пойдем, я тебе спину обезболивающей мазью смажу.

– Дамочка, – удивленно произнесла подруга. – Дамочка, а мне не слишком-то и больно. Жжет, конечно, но терпимо. Чего это Лютый-то сегодня добрый такой?

Я быстро огляделась по сторонам – не услышал ли кто ее слов? – и, оставив вопрос без ответа, потащила Мышку в лазарет.

– А теперь лежи смирно и делай вид, будто тебе очень плохо, – шепнула. – Скоро сюда притащат эту дрянь. Она, само собой, будет без сознания, но впечатлять охранников твоим бодрым видом все равно не стоит.

Понятливая Мышка жалобно застонала. Разбуженная Красотка приподнялась на локтях и уставилась на нас.

– О, тихоня! А ты-то как сюда попала?

– Твоя замена отправила, – огрызнулась Мышка.

– Что, нарвалась-таки?

– Это кто еще нарвался, – вклинулась я. – Скоро ее сюда принесут, полюбуйшься.

Красотка присвистнула.

– Да, быстро она Лютому надоела. Я-то почти три месяца продержалась.

– Нашла, чем гордиться, – проворчала Мышка.

Я вытащила из навесного шкафчика баночку с жирной ярко-желтой мазью, пахнувшей травами, и принялась осторожно наносить ее на следы от кнута.

– Ну как?

– Холодит. И немеет все.

– Потерпи, сейчас все пройдет, – пообещала я. – Красотка, раз уж ты проснулась, то я и тобой займусь. Вот только с Мышкой закончу.

– Толку-то, – зевнула блондинка. – Чем только вы с Доком мою спину не мазали, результата никакого. Видать, заклеил меня Лютый навечно.

Я не нашлась с ответом. Все слова утешения казались мне глупыми и напыщенными. А вскоре громко хлопнула дверь и зазвучали голоса. Док что-то сердито выговаривал невидимым пока посетителям, а те виновато оправдывались. Наконец в палату внесли брюнетку. Вместо спины у нее было кровавое месиво. Я злобно усмехнулась, отвернувшись, чтобы никто не заметил моей реакции. И увидела, что на губах Мышки появилась такая же усмешка, а Красотка выглядит откровенно довольной. Похоже, девицу жалел только Док – да и то пока ему не было известно о ее подвигах.

– Ко мне только и попадают, что после порки, – сердился Питерс. – За полгода вон одна Дамочка сама по себе в обморок завалилась. Вы что же, считаете, что нам достался на редкость здоровый контингент и надо бы это дело поправить? У меня в палате трое – трое! – искалеченных вашим Лютым. Ждете, что я напишу рапорт о переводе в другое место?

Я вцепилась в спинку Мышкиной койки с такой силой, что побелели костяшки пальцев. Док был едва ли не единственным нормальным человеком в этом позабытом всеми богами месте. Меньше всего мне хотелось потерять этого неожиданного друга.

– Да ладно вам, Док, – пробубнил один из охранников. – Сами знаете, к Лютому под горячую руку лучше не лезть – огребешь.

– Так, укладывайте ее на койку. Обувь снимите, чурбан, или сам мне простыни стирать будешь? А ты не стой столбом, а притащи горячей воды. Ведро в санузле за дверью. Дамочка, ты первой пострадавшей помогла?

– Да, Док, – отрапортовала я. – Промыла раны и смазала обезболивающей мазью.

– Хорошо, только обеззараживающим раствором еще полей. Флакон с фиолетовой наклейкой. А потом займись Красоткой, пока я уделю внимание этой особе. Чего застыли? – гаркнул он на охранников. – Здесь вам не цирк. Выметайтесь!

Тех будто ветром сдуло. Питерс устало опустился на стул возле койки брюнетки.

– Давай, Дамочка, обработаем наших страдалец, дадим им сонного зелья и пойдем чай пить. Расскажешь мне, что произошло.

– Я не хочу спать, – попробовала возразить любопытная Красотка.

Док вперил в нее взгляд льдисто-голубых глаз.

– Пока ты здесь, будешь делать то, что я сказал, – отчеканил он. – Спать, есть и справлять нужду по моему слову. Поняла?

Испуганная его непривычно жестким тоном Красотка кивнула.

Мышке я тоже дала сонного зелья. Хотелось, конечно, усадить ее с нами за стол и протянуть кружку с чаем и самый большой пирожок, но я рассудила, что время еще будет. Пока Док хлопотал вокруг брюнетки, я успела принять душ.

– Пожалуй, это самая большая выгода от работы здесь. Возможность ежедневно мыться горячей водой, – пояснила я. – Да половина барака за такое счастье на что угодно пойдет.

Вода в общих душевых была ржавая, едва теплая и лилась тонкой струйкой. Да и походы в душ по расписанию тоже не способствовали радостному настроению. И мыло в лазарете пахло луговой травой, а не воняло чем-то нестерпимо кислым.

– У вас половина барака, а то и больше – отъявленные рецидивистки, – сухо произнес Док. – Мало кто попадает по дурацки, как твои подружки. Большинство оказалось здесь вполне заслуженно.

Я кивнула. За пару месяцев я успела наслушаться леденящих кровь историй.

– Взять вот сегодняшнюю девицу, – продолжал Док. – Проститутка, грабившая клиентов. Подливала им сонное зелье и обчищала карманы. С последним вот не повезло – он учуял, что дело нечисто, и вылил незаметно вино. А здесь она считай что принялась за старое. Что они с Лютым не поделили, не знаешь случаем? Вроде бы она ему надерзила перед всеми.

Вздыхнув, я рассказала ему историю с наказанием Мышки, не умолчав и о своем участии.

– Зря ты ему деньги предложила, – осуждающе покачал головой Питерс. – Хватило бы и угроз. Лютый из тех людей, которым сколько ни дай – все мало. Зато трус, потому и отыгрывается на слабых. Бабенок его у меня перебывало столько, что я давно уже со счета сбился. Надоедают они ему быстро, а просто так бросить он, видимо, не может, обязательно искалечить надо. Кого хлыстом, как этих дурочек, кого в постели. Там он их даже сильнее истязал, чем у столба. Я бы тебе порассказал, Дамочка, только этикие подробности не для твоих ушей. Грязны уж больно.

– В таком месте сложно оставаться чистой, – вздохнула я. – От прежней Тиали Торн мало что осталось. Раньше я и представить себе не могла, что буду притворяться любовницей Марка Грена, да еще и радоваться, что он подтвердит несуществующую связь. Будь он в действительности моим любовником, Док, никаких денег бы Лютый не увидел. Но я даже не уверена, что Марк приедет еще раз.

– Приедет, – заявил Питерс. – Отношения у вас двоих, конечно, странные, простому человеку вроде меня и запутаться недолго. Но что-то мне подсказывает, что Марк Грен не прочь еще разок проверить, так ли противны твои поцелуи.

Я вспыхнула. Ну к чему напоминать мне о том, что я так старательно выбрасывала из головы? Все-таки поцелуи, как и случившееся после них, были исключительно по моей инициативе. И это не могло не смущать.

– Я все-таки женщина, Док. Мне надо, чтобы меня добивались, а не проверяли, смогут пережить мои поцелуи или нет.

– Женщина, говоришь? Хорошо, что ты об этом вспомнила, Дамочка.

И не поясняя значения своей фразы, отвернулся, чтобы набрать воды в чайник и поставить его на огонь.

– Док, – тихо позвала я. – Док, вы ведь не уйдете? Я здесь без вас совсем рехнусь. У меня только вы есть да еще вот Мышка. Берта и Нетка – они хорошие, только с ними мне говорить совсем не о чем. Я не понимаю их, а они – меня. И с Мышкой-то не всегда получается, а уж с ними...

И я махнула рукой, а затем, отвернувшись, незаметно вытерла глаза. Действительно, Док был единственным во всем лагере человеком, которому я многое могла рассказать. К примеру, о том, что произошло между Марком и мною, я подружкам и словом не обмолвилась. Просто сказала, что приезжал знакомый из столицы, человек важный и влиятельный. И Берта, и Нетка информацией удовлетворились, а Мышка бросила на меня встревоженный взгляд, но промолчала.

Питерс неловко погладил меня по спине.

– Да куда ж я отсюда денусь? Знаешь, Дамочка, я, когда сюда наниматься приехал, молодой был, горячий. Думал, буду проводить душещипательные беседы с преступницами, наставлять их на путь истинный. Как ты можешь догадаться, демона лысого у меня получилось.

– Но вы не ушли.

– Нет, не ушел. Понял, что здесь я нужнее, чем где-либо еще. Сама понимаешь, не будь меня, Лютый с дружками уже не один десяток девок бы на лагерный погост отправили. Андерс о развлечениях охраны знает, но смотрит на них сквозь пальцы. Пока его псы ему верны, им ничего не угрожает. У начальника нашего свои причуды. Ему тоже нравится унижать тех, кто зависит от него. И для этого Андерсу вовсе нет нужды хвататься за кнут. Ему важно чувствовать не боль жертвы, а свою власть над ней. Лютый от Андерса зависит, понимаешь? Оба они об этом знают, и если Лютый молча бесится, но делает вид, что его все устраивает, то Андерс открыто наслаждается ситуацией. И к тебе его тянет не просто так. Сделать из гордой аристократки личную шлюху – да он о таком и мечтать прежде не мог. Он ведь из самых низов выбился, Дамочка. И пусть никому не позволяет вспоминать об этом, но сам никогда позабыть не сможет.

– Хорошо, что вы здесь, – улыбнулась я. – Не знаю, что бы я без вас делала.

– Жила бы, – проворчал он. – У тебя, Дамочка, есть характер. Стержень. Такие, как ты, выживают в любых условиях. Уж поверь мне.

– Док, а вы продержите Мышку здесь подольше? – попросила я. – Я понимаю, что повреждений у нее нет, но ей не помешало бы отдохнуть.

– Да что вам здесь – курорт? – притворно возмутился Питерс. – Хорошо, дней десять покоя я ей точно смогу обеспечить. А там посмотрим.

Норт Андерс появился неожиданно. Док после обеда уехал за новой партией лекарств, оставив лазарет на меня. Распорядился постелить мне на кушетке в кабинете и принести ужин. Я решила, что вечером, обработав Красотке и Брюнетке (имени ее я так и не удосужилась узнать) раны и напоив их сонным зельем, позову Мышку в кабинет пить чай с любезно оставленными Доком пирогами. Подруга пошла в душ, а я принялась накрывать стол для скромного чаепития. Вот тут-то и хлопнула дверь.

Поначалу я было подумала, что кто-то из заключенных, пользуясь отсутствием Дока, решил выпросить у меня зелье или мазь, но шаги, прозвучавшие в коридоре, были тяжелыми, мужскими. Значит, лекарства понадобились кому-то из охранников. Я быстро убрала вторую чашку – не стоит охране видеть, что я угощаю Мышку чаем.

Кого я точно не ожидала увидеть, так это начальника лагеря. Отчего-то мне казалось, что после памятного свидания с Марком Норт Андерс будет меня сторониться. Впрочем, когда он подошел ко мне поближе, я поняла причину его смелого поведения. От начальника разлило алкоголем.

– Скучаешь? – игриво спросил он у меня.

– Нет, сэр, – как можно более равнодушно ответила я. – Чай собираюсь пить.

– У меня есть кое-что получше чая, – весело заявил Андерс и вытащил из-за пазухи бутылку вина.

Я с ужасом наблюдала, как он сбрасывает шубу и ставит бутылку на стол. Больше всего я боялась, что начальник решит посетить санузел и увидит там Мышку. Ничего хорошего эта встреча нам с ней принести не могла. И еще надеялась, что моя сообразительная подруга, услышав голоса, догадается затаиться.

– Выпьешь со мной?

– Боюсь, Марк не одобрит такое поведение, сэр.

Вопреки моим ожиданиям, Андерс не испугался. Он сморщил нос и, слегка пошатнувшись, шагнул ко мне.

– Грен далеко, – сказал он хриплым голосом. – И ему вовсе не обязательно знать обо всем, что здесь происходит.

– Он мой любовник, – напомнила я.

Но начальник только ухмыльнулся.

– Я помню, – прошептал он, обдавая меня перегаром. – Но я не брезгливый. Это с Лютым и его парнями я девок не делю. А Марк Грен – дело иное. Одна баба на двоих с королевским магом – это даже почетно.

Он хохотнул, а я усиленно пыталась побороть приступ паники. Похоже, Андерс уже в том состоянии, в котором доводы рассудка заглушаются быстро. Я никак не могла придумать, чем бы его отвлечь. Единственное, что пришло мне на ум – огреть начальника по голове чем-нибудь потяжелее, но, признаться, идея была далеко не блестящей и могла иметь самые плачевные последствия.

А Норта Андерса отсутствие сопротивления только распалило. Он обхватил ладонями мои ягодицы, прижимая меня к себе потеснее, и я с отвращением ощутила, что он уже возбужден.

– Тебе будет хорошо, вот увидишь, – бормотал он и слюнявил поцелуями мою шею. – Иди сюда, вот так.

И он принялся подталкивать меня к кушетке. Собрав все силы, я резко высвободилась из его объятий.

– Кажется, вы предлагали мне выпить, сэр?

– Что? – мои слова не сразу дошли до его затуманенного сознания. – А, да. Давай выпьем. Вот только я тебя разок поцелую.

Он опять притянул меня к себе, облапил, впился в губы. Тошнота поднялась к горлу, и мне пришлось, отстранившись, сделать несколько глубоких вдохов.

– Вино, – напомнила я. – А я пока поищу стаканы.

В тот момент я даже сожалела, что среди припасов Дока нет быстродействующего яда. Но вот сонное зелье имелось в изобилии. Надо было только изловчиться как-то плеснуть его в стакан.

– Я сама разолью, – проворковала я, отбирая у Андерса бутылку.

Он попробовал было возражать, но я погладила его пальцами по щеке, провела по шее, и он покорно отдал мне вино. Сонное зелье уже было налито на дно одного из стаканов. Повернувшись к начальнику спиной, я быстро добавила к нему хмельной напиток. Плохо было одно: воодушевленный лаской, Андерс подошел ко мне, пока я наполняла свой стакан. Тесно прижался к моей спине, положил ладони на грудь, сжал.

– Я всегда знал, что ты разумная женщина, Дамочка. Видишь свою выгоду.

Пожалуй, моя улыбка больше походила на оскал. Я вновь отстранилась и протянула ему стакан.

– Давайте выпьем. Я так давно не пила вина.

– Что ж твой Марк не догадался привезти? – язвительно спросил Андерс. – Герой какой: и на столе он может, и на кровати, а угостить свою бабу вином не подумал.

За Марка мне обидно не было, а вот за стол, кровать и бабу я с удовольствием бы выплеснула содержимое стакана мерзавцу в физиономию. Скорее всего, в прошлой жизни я бы именно так и поступила. Но то, что могла позволить себе Тиали Торн, было невозможным для заключенной двести семнадцать дробь пятнадцать. И я молча поднесла стакан к губам.

Андерс осушил свой залпом и опять потянулся ко мне. Я натянута рассмеялась и уклонилась, а затем сбросила обувь и с ногами забралась на застеленную свежим бельем кушетку. Начальник сделал шаг в мою сторону, но я покачала головой и выставила руку вперед.

– Раздевайся.

– А ты?

– А я потом. Ну же, давай, я хочу на тебя посмотреть, – проговорила я, стараясь придать голосу как можно больше соблазнительности.

– Хочешь поиграть, да? Не знал, что в высшем обществе тоже приняты такие забавы. Хотя распутные бабы везде одинаковы.

Разделся Андерс мгновенно и тут же плюхнулся рядом со мной. Я вскочила и отошла в центр кабинета. Да уж, жаль, что лагерная роба не подразумевает ношения под ней чулок с подвязками – вот их бы я стаскивала очень долго. Ладно, будем обходиться тем, что имеем.

С подолом платья я играла несколько минут, то приподнимая его, то вновь опуская. Наконец теряющий терпение Андерс рыкнул:

– Да сними ты его, наконец!

Пришлось стянуть робу через голову и отправить ее в полет. На пол швырять было жалко, поэтому платье я бросила на стол Дока, на свободный от посуды край. Но расставаться с бельем так быстро я намерена не была. Сунула в рот палец, демонстративно облизала его, затем провела им по губам, по шее, по ключицам. Когда спустилась к груди, хриплое дыхание Андерса наконец-то начало переходить в сопение.

– Сэр?

Молчание. Слава всем богам!

– Мышка! – позвала я.

Испуганная подруга осторожно заглянула в кабинет, а я, напротив, метнулась в санузел. Тошнота стала нестерпимой. Выворачивало меня долго, а когда я наконец вернулась, то Андерс, уже в брюках и расстегнутой рубашке, мирно спал на кушетке.

– Как ты думаешь, носки на него натягивать? – деловито спросила Мышка. – Не хотелось бы к ним прикасаться, брезгую я. Но если надо, то деваться некуда.

– Давай я, – нехотя предложила я. – Все равно потом в душ пойду, он мне всю шею обслонявил.

Мышка сочувственно на меня посмотрела и отошла в сторону. Кривясь от отвращения, я натянула на ноги Андерса носки, а затем укрыла начальника одеялом.

– Пойду смою с себя всю эту грязь, а ты пока чай завари, ладно?

– Что, прямо здесь пить будем? – подруга бросила на Андерса брезгливый взгляд. – Рядом с этим уродом?

– Нет, лучше уж в палате, – решила я. – Красотка и Брюнетка все равно до утра не проснутся, а мы отгородим твою койку ширмой.

– А сама-то где ночевать будешь?

– Да там же, в палате. Знаю, что не положено, но здесь не останусь. Да и кушетка, как ты можешь убедиться, занята.

И я расхохоталась, прекрасно понимая, что вовсе не эта незамысловатая шутка вызвала столь бурный приступ смеха. Я уже начала задыхаться, по щекам катились слезы, а я все смеялась и смеялась, усевшись прямо на пол и раскачиваясь из стороны в сторону. Испуганная Мышка попыталась напоить меня водой, а потом, отчаявшись, выплеснула ее мне в лицо. Смеяться я перестала, зато меня начала бить крупная дрожь.

– Иди в душ, – устало сказала Мышка. – Ступай-ступай, тебе согреться надо. А я пока лужу вытру и сделаю, действительно, чай. Он нам не повредит. И по глотку вина – тоже. Вряд ли Андерс завтра вспомнит, сколько именно оставалось в бутылке.

Утром Андерс проснулся еще до появления Дока. Я как раз поставила чайник на горелку – до завтрака оставался еще целый час, а чая покрепче хотелось до головокружения. Мышка еще спала, как и Брюнетка с Красоткой. Рассудив, что утром мне бояться нечего, я отважно направилась в кабинет. Немного постояла у двери, глубоко вдохнула и потянула за ручку. Нельзя позволять страху брать над собой верх.

– Дамочка? – недоуменный голос отвлек меня от приготовления чая. – Как я здесь очутился?

Я повернулась, опустила глаза в пол и, выражая всем своим видом наивысшую степень почтительности, тихо ответила:

– Вы изволили прийти вчера ночью, сэр.

– Зачем?

Я украдкой бросила на Андерса взгляд из-под ресниц. Вид у него был какой-то помятый, лицо опухло, под глазами образовались мешки, на щеках проступила щетина, а на носу – красноватые прожилки. Судя по его удивленному виду, он действительно ничего не помнил. Вот и отлично.

– Я не знаю, сэр. Вы пришли, принесли бутылку вина и сказали, что будете ночевать здесь.

– Да? Это надо же было так набраться. Дай-ка мне чего-нибудь от головной боли, а то башка раскалывается.

У меня промелькнула было ехидная мысль, что лучше всего головная боль лечится ударом по оной голове чем-то тяжелым. Но по вполне понятным соображениям я ее озвучивать не стала, а выдала начальнику требуемое зелье. Он как раз успел его выпить, когда хлопнула входная дверь, прозвучали быстрые шаги, и в кабинет вошел разругавшийся с мороза Док.

– О, Норт! – весело произнес он. – Нездоровится с утра пораньше?

– Больно вы радостный, Питерс, – проворчал начальник. – Случилось что хорошее? Или вас мое недомогание так веселит?

– Ну что вы, как можно? Просто день сегодня чудесный, солнце наконец-то показалось. Я лекарства новые привез, так вы уж будьте любезны выделить мне парней покрепче – коробки разгрузить. Дамочка, подготовь место, хорошо?

Я кивнула и ужом выскользнула за дверь, не прощаясь с Андерсом.

А еще через день приехал Марк. Я шла по расчищенным дорожкам к домику для свиданий, жмурилась от яркого солнечного света, отражающегося от сугробов, и никак не могла придумать, как же мне себя с ним вести. Язвить и дерзить, как раньше, было опасно – а вдруг

Марк обидится и больше не придет? Притвориться, будто его поцелуи совсем лишили меня разума и теперь я без памяти влюблена в него – Марк не поверит, дураком он никогда не был. Хотя, что уж скрывать, после прошлого свидания мне несколько раз снились сны с его участием, после которых я просыпалась разгоряченная, покрасневшая, с лихорадочно горящими щеками и блестящими глазами. Не слишком сообразительная Берта даже поинтересовалась как-то, не заболела ли я.

Так и не приняв решения, я вошла в домик и замерла. Скатерти на окнах сменили вполне приличные занавески, койка уже стояла у стены, застеленная свежим бельем. Но поразило меня не это. В центре стола гордо возвышалась бутылка вина, а рядом скромно стояла тарелка с бутербродами. Мне сразу вспомнился пьяный Андерс, лапавший меня в лазарете. К горлу подступила частенько накатывавшая после того случая тошнота, и я сглотнула.

– Соблазнять меня собрался? – вырвался у меня вопрос, прежде чем я успела подумать.

– А надо? – ехидно уточнил Марк. – Вроде бы ты и так моя любовница.

Не знаю, какого ответа он ожидал на свою реплику, но я приободрилась. Признаться, я опасалась, что все свидание буду молчать и не смею взглянуть на Грена из опасения, что тут же покроюсь краской смущения при воспоминании о предыдущей встрече. Но мысль о том, чтобы подкалывать друг друга нравилась мне куда больше. Главное в этом – не перейти грань и не наговорить оскорблений. Впрочем, сначала надо было сказать кое-что другое.

– Марк, я очень благодарна тебе. За теплые вещи, и за продукты, и за... Словом, за все.

– Не стоит, Тиали. Кстати, тебя ведь навещает Двин, я узнавал. Почему он не привез тебе теплую одежду?

– Потому что у него не взяли. Он ведь не всемогущий Марк Грен, королевский маг. С его желаниями Норт Андерс не считается.

Марк нахмурился.

– Он мог бы предложить денег.

– А он и предлагал. Вот только начальник ему отказал, а охрана не стала подставляться. Марк, как ты думаешь, почему у меня все относительно благополучно? Настолько, насколько это вообще здесь возможно? Почему меня ни разу не высекли кнутом или не заперли в холодной? Почему у меня не отбирают передачи? Да из-за денег! Тех самых денег, что Двин щедро сует в жадные лапы.

О том, что большая часть этих денег принадлежала мне, я не посчитала нужным упоминать. Все-таки Двин далеко не так богат, как воображали себе Андерс или Лютый. Марк слушал меня, нахмурившись.

– Тиали, я все больше и больше запутываюсь. Итак, тебя отправили отбывать заключение не в какую-нибудь Обитель, а сюда, к простолюдинкам. Будем откровенны – ко всякому сброду. Далее, у тебя нет самого необходимого – достаточного количества еды и теплых вещей. Затем тебе для чего-то понадобилось выдавать меня за своего любовника. Как я понимаю, таким образом ты желала избавиться от нежеланных ухаживаний кого-то из лагерного начальства. А теперь я узнаю, что Двин платит деньги только за то, чтобы тебя не избивали. Ты ничего не хочешь рассказать мне, Тиали?

Я твердо выдержала его взгляд. Да, Марк Грен всегда славился дотошностью и любовью к деталям, но лезть в мои дела я ему позволять не собиралась. Ничем хорошим для меня его вмешательство закончиться не могло.

– Мне нечего тебе сказать.

– Хорошо, тогда я разберусь сам.

Вот теперь я по-настоящему испугалась. Если Марк начнет свое расследование, то он, несомненно, докопается до истины, но вот что случится к тому времени со мной?

– Марк, пожалуйста, – как же тяжело давались мне эти слова! – Прошу тебя, оставь все, как есть. Если ты не хочешь мне еще большего зла, не лезь в это дело.

Он внимательно на меня посмотрел.

– Ну ладно, если ты не хочешь, тогда я не буду интересоваться твоим делом. А теперь скажи, что тебе еще нужно? Я привезу в следующий раз.

Я не то, чтобы поверила в разом угасший интерес Марка, но оставалась надежда, что он попросту не захочет копаться в бумагах, а уж тем более – разыскивать свидетелей. Все-таки у него и своих дел более чем хватало. Что же касалось необходимых вещей, то я попросила его привезти мне разные мелочи, которые отчего-то в лагере были под запретом. Щетку для волос вместо деревянного гребня, с трудом продиравшего мои волосы, брусок душистого мыла, крем для рук. Все это добро стоило недорого, но мне его так не хватало! И раз уж у меня появилась возможность вернуть себе хоть какие-то признаки нормальной жизни, то я собиралась ею воспользоваться.

На прощание Марк задержал мою руку в своей и спросил:

– Подаришь поцелуй своему любовнику?

Я все-таки смутилась.

– Ну зачем ты? Может, не надо?

Но он обнял меня и легко прикоснулся своими губами к моим. Этот поцелуй был нежным, почти невесомым. Так можно целовать ту женщину, которая бесконечно дорога. И с которой все уже было. Так целуют в благодарность за страстную незабываемую ночь.

Однако же Марк поцеловал меня так на пороге домика для свиданий перед очередным расставанием. И пусть у нас не было ни ночи, ни страсти, но я, идя к бараку, то и дело прижимала пальцы к губам. На сей раз сомнений не было: Марк хотел поцеловать меня сам, без всяких провокаций с моей стороны.

– Произошло что-то хорошее? – спросила проницательная Мышка. – Ты прямо светишься.

– И улыбаешься, – добавил Док. – А улыбку в этом месте увидеть можно нечасто.

Мы втроем сидели за столом в кабинете и пили неизменный чай. Мышка уже перестала дичиться Дока и даже – что меня немало удивило – бросала на него заинтересованные взгляды украдкой. А сейчас они оба неотрывно смотрели на меня. Я только пожала плечами. Откуда мне знать, хорошее или нет? Приятное – несомненно. Я вспомнила теплое дыхание Марка на своей щеке, его губы на своих губах. На несколько сладких мгновений мы будто бы вернулись в беззаботную юность, где не было предательства и вражды.

– Он тебе нравится, да? – напрямую спросила Мышка. – В бараке шептались, будто ты сразу двух мужиков за нос водишь. Даже Берта не верит, что с Двином у тебя ничего нет. А с этим есть, да?

– Откуда ты знаешь, что с Двином ничего? – удивилась я.

– Ой, а то не видно, можно подумать. Со свиданий с ним ты возвращалась совсем другая. Ну вот как Хромоножка, когда к ней мать приезжала. А теперь будто на крыльях прилетаешь.

– Это так заметно?

– Заметно, – подтвердил Док. – Но, полагаю, не всем. Здесь, Дамочка, мало кому есть дело до других, все заняты собственным выживанием. Так что можешь не беспокоиться.

– И не думаю. Столица далеко, вряд ли слухи дойдут туда. А если бы и дошли, то волноваться надо Марку, а не мне. Мой жених все равно меня бросил, а вот его настоящая любовница может и разобидеться.

– У него есть другая? – искренне огорчилась Мышка.

У меня неприятно заныло в груди. Странно, Марк никогда не был одинок, но мысли о его женщинах давно не причиняли мне такой боли. Разве что тогда, в самый первый раз, когда я увидела его целующим смутно знакомую мне девушку. Как же ее звали? Антония? Антонелла? Надо же, я позабыла ее имя, а ведь тогда так сильно желала вцепиться ей в волосы и расцара-

пать в кровь милое личико. Непривычные и неприличные желания для единственной дочери Теодора Торна. Но это ведь было всего через три недели после того, как Марк признавался мне в любви. Отец впервые позволил мне покинуть дом, потому как повод был слишком серьезен – день рождения наследника престола. Едва лишь закончилась официальная часть праздника, я разыскала Марка. Голова у меня была забита романтической ерундой: я хотела уговорить его бежать вместе и тайно пожениться. А застала в объятиях другой. Теперь та история уже покрылась дымкой забвения. Отчего же мне снова так больно?

– Наверное, – сказала я, старательно демонстрируя безразличие. – Во всяком случае, какая-то особа раньше точно была.

И звали эту особу Маргаритой Крейн, некстати вспомнилось мне. Надо же, как цепко память хранит подобные незначительные мелочи!

– Так, девочки, – Док одним глотком допил свой чай и отставил чашку. – Вы тут продолжайте без меня, а я пока навещу администрацию на предмет накладных. Еще вчера должен был их сдать, да закрутился.

Он надел пальто, обмотал шею шарфом и без шапки направился к выходу. Дождавшись, пока хлопнет входная дверь, я заговорщицки посмотрела на Мышку.

– А вот теперь твоя очередь. Рассказывай давай.

– О чем? – с самым невинным видом спросила подруга.

– О том, как ты на Дока поглядывала. Думаешь, я не заметила?

– А что? – Мышка не смутилась. – Он человек хороший. Резковат, правда, бывает, зато не злой.

– Но он старше тебя, – растерялась я.

– Да ну, ерунда какая. Лютый вон молодой, да только толку-то. Но пока еще рано говорить о чем-либо, Дамочка. Док не из тех, кто развлекается с заключенными. А я, когда он меня выпишет, и на глаза ему попадаться не буду. Так что шансов у меня мало.

В голосе Мышки слышалась затаенная грусть. Я накрыла ладонью руку подруги, сжала ее.

– Думаю, у тебя есть все шансы понравиться Доку. Ты очень привлекательная, но это не главное. Если бы Питерс ценил только красоту, то давно бы завел себе пассию. Ты добрая, ты умная, а главное – ты не озлобилась, попав сюда. У тебя чистая душа, Мышка. А это редкость даже в большом мире, не говоря уж о нашем лагере.

– Скажешь тоже, – отмахнулась явно польщенная Мышка.

Но я видела, что мои слова ей приятны.

Красотка медленно шла на поправку. Рубцы на ее спине грозили со временем превратиться в уродливые шрамы, но жар уже спал и головокружения прекратились. Спать блондинка по-прежнему могла только на животе, зато сама вставала в санузел и садилась на кровати, чтобы поесть. Питание в лазарет подавалось усиленное, и я даже сожалела немного, что завтракаю и ужинаю в столовой с остальными заключенными. Но в обеденной похлебке помимо жалких кусочков лука, моркови и картофеля плавали и куски мяса, причем не привычно миниатюрные, а вполне себе осязаемые, а на второе давали котлеты, то куриные, то рыбные. Конечно, теперь, когда к передачам Двина добавились еще и приносимые Марком продукты, я больше не голодала, но питание всухомятку все же надоедало.

К Брюнетке Красотка испытывала необъяснимую злобу. Необъяснимую – потому как девица являлась скорее ее товаркой по несчастью, нежели соперницей. И тем не менее, проходя мимо койки последней пассии Лютого, его предыдущая любовница неизменно бросала сквозь зубы оскорбления. Однажды ее услышал Док и отругал так, что она присмирела на несколько дней. Потом, правда, вновь взялась за старое, но стала осторожнее: гадости произносила едва слышно и только тогда, когда Дока в лазарете не было. Еще она попыталась было привлечь на свою сторону Мышку, но моя подруга твердо заявила, что ей чужие дразги неинтересны.

– Но ты ведь тоже пострадала из-за этой дряни, – недоумевала Красотка.

– Она свое получила, – неизменно отвечала Мышка. – А добивать поверженного неприятеля мне неинтересно.

Сама же Брюнетка, скорее всего, мало что понимала из сказанного Красоткой. Большую часть дня и всю ночь она проводила под воздействием сонного зелья. А в остальное время мало что соображала, поскольку я вливала в нее огромные дозы обезболивающего. Она смотрела в одну точку помутневшим взглядом и только покорно приоткрывала рот, когда я либо Мышка подносили к нему ложку с лекарством или с едой. На спину ее страшно было смотреть. Раны покрылись подсыхающей коркой, из-под которой сочилась сукровица.

– Эта, похоже, инвалидом останется, – сказал мне как-то Док, убедившись, что все больные уже уснули. – Красотку Лютый только шрамами наградил, а ее вот не пожалел. Злобствует, с каждым разом все сильнее девок калечит.

Я представила, что такая же судьба могла ждать и Мышку, и передернулась.

– Док, если вдруг я освобожусь досрочно, вы присмотрите за Мышкой? Она опять останется одна, ведь от Берты и Нетки толку мало. А Лютый вряд ли забыл, что она выскользнула из его лап, пусть даже и за деньги.

Умница Док не стал расспрашивать меня о планах освобождения. Он подошел к кровати моей подруги и несколько секунд всматривался в ее безмятежное во сне лицо. В слабом свете ночников Мышка казалась совсем ребенком.

– Хорошо, – кивнул наконец Питерс. – Я о ней позабочусь.

Впервые я испытала разочарование, увидев в домике для свиданий Двина. Нет, я была рада вновь увидеть старого друга, но все же тайне надеялась, что меня навестит некто другой. Я до такой степени поглупела после прощального поцелуя Марка, что у меня начисто вылетела из головы дата визита Двина.

Койку из домика убрали – должно быть, Андерс заботился о моей нравственности. Ухмыльнувшись, я подумала, что Марку это было бы приятно. А вот занавески оставались на месте. Должно быть, таскать туда-сюда койку было куда проще, нежели снимать и вешать ткань на окна.

– Что-то случилось, Тиа? – заботливо спросил Двин.

– А что должно было случиться? – удивилась я.

– Не знаю, но ты изменилась. Впервые ты не прошла первым делом к камину, чтобы погреть руки, а ведь на улице стужа. И выглядишь ты иначе. Как будто узнала что-то хорошее.

– До меня не доходят новости, – нахмурилась я. – И тебе прекрасно об этом известно.

– Да, конечно. Но надо признаться, что никаких особых новостей и нет. В столице все спокойно, о тебе никто не спрашивал.

У меня отлегло от сердца. Значит, Марк все-таки внял моей просьбе и не стал ворошить осиное гнездо.

– Меня опять навещал Марк Грен, – как бы между прочим сообщила я. – Дважды.

– Зачем? – резко спросил Двин. – Что ему от тебя понадобилось?

Я пожала плечами.

– Теплые вещи привез, продукты. Расспрашивал о жизни в лагере. Никаких вопросов о покушении не задавал.

Здесь я, конечно, немного лукавила. Но мне отчего-то не хотелось рассказывать Двину о своем разговоре с Марком.

– Тебе не кажется это странным, Тиа? Спустя три с половиной месяца после суда в лагере неожиданно появляется Грен, привозит тебе передачи и ни о чем не спрашивает. Весьма и весьма подозрительно.

– Не знаю, – медленно произнесла я. – Я действительно не знаю, чем он руководствуется. Он ведет себя так, будто не было последних десяти лет и мы снова те юные Тиали и Марк, которые считали, что их любовь будет вечной.

Двин схватил меня за руку.

– Тиа, – голос его звучал встревожено, – Тиа, он домогался тебя?

Я едва не рассмеялась. Скорее уж я домогалась Марка. Впрочем, об этом Двину знать необязательно.

– Нет, что ты. Мне кажется, такое поведение вообще не в характере Марка. Сомневаюсь, чтобы ему когда-либо приходилось кого-либо помогать.

Мой друг неодобрительно поджал губы.

– Да, скорее уж ему приходилось отбиваться от желающих женить его на себе. По-моему, ты единственная, от кого он получил отказ. Я горжусь тобой.

Я сдержанно улыбнулась. Поводов для гордости у Двина не было. Десять лет назад Марку отказал мой отец, а я совсем недавно предлагала ему себя сама. Я вспомнила его слова о том, что у нас все будет потом, после моего освобождения, и внутри сладко заныло, а щеки вспыхнули. Ну погоди, Марк Грен, вот выйду на свободу и припомню тебе эти слова!

Двин принял мою улыбку за одобрение его слов. Он бросил еще парочку язвительных замечаний в адрес Марка, но затем я его остановила.

– Мы не можем все свидание говорить о Грене. Расскажи лучше, как наши дела?

Хорошее настроение друга мигом испарилось.

– Я пока еще топчусь на месте, Тиа. Впрочем, ты сама велела быть осторожным и просто наблюдать. Хорошо еще, что наши финансы почти не пострадали. Несколько сделок сорвалось, конечно, но это не столь страшно. Похоже, все действительно объясняют твой поступок временным помрачением рассудка. Я даже слышал сплетню, якобы тебя поместили в лечебницу для душевнобольных.

Слышать его слова было, конечно, неприятно, но я была готова к чему-то подобному. И потому произнесла спокойно:

– Хорошо. Значит, выжидаем дальше?

Мне удалось уговорить Дока задержать Мышку в лазарете подольше.

– Здесь тебе не дом призрения, Дамочка, – ворчливо выговаривал мне он. – Я не могу быть защитником всех сирых и убогих.

– А всех и не надо. Большинство из них сами за себя постоять способны.

– Твоя Мышка тоже способна. Знаешь, за что она сюда попала? То-то же. Да и здесь пару раз в холодной за драку сидела.

– Я знаю. Первый раз за то, что отказалась прислуживать тогдашней любовнице Лютого – вот умеет же он выбирать наглых и развязных девок. Та жаловаться не стала, а вцепилась Мышке в волосы, вот и получила в ответ. А во второй раз ее все та же девица с подпевалами проучить пыталась.

– И ты полагаешь, что твоей подруге нужна защита? – иронически спросил Док. – Да она сама за кого захочешь вступится.

– Нужна, – твердо ответила я. – Я не хочу, чтобы Мышка превратилась в озлобленное на весь мир существо. Да и с "за кого захочешь" вы погорячились. Мышка готова жизнь отдать – но только за тех, кого считает своими друзьями.

– Удивительно, – задумчиво произнес Питерс, – на воле у вас не было бы шанса повстречаться. А если бы и был, то вы и двух слов бы друг другу не сказали. И никогда бы не подумали, что можете стать подругами.

– У меня была та, которую я считала подругой, – грустно ответила я. – Теперь она – будущая супруга моего бывшего жениха. Забавно, да?

– Скорее уж печально. Но здесь быстро учишься разбираться в людях, Дамочка. Слишком уж много зависит от этого умения.

Вот так Мышка осталась в лазарете еще на десять дней. Андерсу до нее дела не было. Лютый однажды удивленно поинтересовался, отчего заключенная столь долго болеет, ведь он бил ее вполсилы. По его мнению, Мышка давно уже должна была вернуться в барак и приступить к работе. Но Док довольно резко ответил, что субтильная девушка простыла, постояв полуобнаженной у столба на морозе. Спорить с Питерсом Лютый не осмелился.

Выдать нас никто не мог: Красотку Док уже выписал, а Брюнетка по-прежнему мало что соображала. Мышка же лентяйничать не собиралась. Она сразу же взяла на себя почти всю грязную работу. А потом напросилась и в лабораторию.

– Я не настолько грамотна, чтобы помогать Доку с бумагами, – пояснила она мне. – У тебя это получается лучше. А вот варить зелья мне интересно.

И это было правдой. Мышка скрупулезно взвешивала на аптекарских весах ингредиенты и строго следила за временем приготовления.

– У тебя в роду не было магов? – спросила я как-то у нее.

Пусть лагерь был окружен антимагической чертой, но такую страсть к зельям у не-магов я не встречала.

– Вроде бы нет, – ответила подруга. – Но я свою родословную, сама понимаешь, знаю плохо. Может и затесался кто, сделал бастарда моей, к примеру, прабабке, да разве теперь выяснишь?

А я подумала, что когда Мышка выйдет из лагеря, ее обязательно надо будет проверить на наличие магических способностей. Если мои догадки подтвердятся, то устроить свою жизнь подруге будет проще. Бывших заключенных неохотно берут на работу, но к магам это не относится. Хорошему зельевару простят многое.

На свидание я шла с колотящимся сердцем, волнуясь, будто в далекой юности. Как поведет себя Марк? Захочет опять поцеловать или будет вести себя сдержанно-равнодушно?

Заметив на уже привычном месте койку, я не сдержалась и хихикнула. Марк поймал направление моего взгляда и лукаво предложил:

– Все-таки хочешь испробовать?

– Пожалуй, воздержусь. Лагерная мебель крепкой не выглядит, а учитывая похвалы некоторых присутствующих, я и вовсе опасаюсь за ее сохранность.

– Не припоминаю, когда это ты похвалялась своим темпераментом, – заметил Марк, помогая мне снять тулуп. – Но буду счастлив проверить.

– Я?

– Поскольку нас здесь двое, а я хвастаться не приучен, то, полагаю, говорила ты о себе.

– Марк Грен, ты наглый высокомерный заносчивый...

Меня остановил громкий смех.

– Тиа, тебя по-прежнему так легко вывести из себя.

– Такой фокус всегда удавался только тебе, – проворчала я, отведя взгляд в сторону.

Неожиданно Марк обнял меня.

– Знаешь, я рад быть для тебя особенным. Знать, что я тебе небезразличен. Пусть даже так.

Я упрямо вскинула голову, собираясь съязвить, но он не дал мне сказать ни слова, накрыв мои губы своими.

Меня охватило знакомое тепло. Я прильнула к Марку, обвила руками его шею, с готовностью раскрыла губы, пропуская его язык. Все мысли улетучились, весь мир не имел значения, остались только я и он, его руки, его губы, его шепот, когда мы наконец разорвали поцелуй:

– Моя Тиа.

В тот момент я действительно принадлежала ему. Если бы он захотел, то мне было бы безразлично: лагерная койка, стол, голый пол. Но Марк опустился на стул и притянул меня к себе на колени.

– Я так тебя хочу, – шепнул он и прикусил мочку моего уха. – Но не здесь, не в этом ужасном месте. Зато потом я сутки не выпущу тебя из постели. Нет, трое суток.

– И это мне говорит человек, не привыкший похвастаться, – фыркнула я.

– Я не похваляюсь, я предупреждаю, – заявил Марк, скорчив строгую физиономию.

Я провела пальцем по якобы сурово нахмуренным бровям, затем очертила контур его губ.

– Марк, почему у нас никогда не получалось обходиться без споров и ссор?

– Мы не спорим, когда целуемся, – со смешком возразил он.

– Да, спорить во время поцелуев неудобно, – согласилась я и немного переместилась, устраиваясь поудобнее. – Отвлекает.

– Ты испытываешь мою выдержку? – спросил Марк. – Хочешь, чтобы я нарушил слово? Сообразив, о чем он, я прильнула к нему крепче.

– Не думаю, чтобы я была против.

Я прикоснулась губами к его виску, спустилась по скуле, а потом прикусила кожу на шее, со странным удовлетворением подумав, что в этом месте точно останется след.

– Давай лучше отвлечемся и поговорим.

Вопреки словам Марка его рука нырнула под подол моей рубы и легла на бедро.

– Давай, – согласилась я и провела по его шее кончиком языка. – О чем?

– Скажи, в этом месте есть хоть один человек, которому ты могла бы хоть немного доверять? Начальника я видел – мерзкий тип. Охранники тоже не располагают к дружелюбному общению.

Предложенная тема так удивила меня, что я, увлеченно исследовавшая шею и ухо Марка губами, оторвалась от своего занятия.

– Да, есть. Док Питерс. Можно даже сказать, что мы подружились. Ох, Марк!

Его рука переместилась выше и теперь гладила внутреннюю сторону моего бедра.

– Значит, Док. Питерс, говоришь? – вторая рука легла мне на затылок, заставляя повернуть голову для поцелуя.

Я приоткрыла губы, отвечая ему, а напоследок слегка прикусила его нижнюю губу.

– Да, Док – человек хороший, за него все богам благодарны, – восстановив дыхание, продолжила я. – Еще у меня Мышка есть.

– Какая Мышка? – говорил Марк с трудом, поскольку я выдернула полы его рубашки из-за пояса брюк и теперь гладила поясницу, не забывая крепко прижиматься к нему. – Ты занялась приручением грызунов?

– Моя подруга. Ее вообще-то Нормой зовут, только об этом почти никто не помнит. Ах! – вскрикнула я, поскольку пальцы Марка уже скользнули под край моего белья.

Интересная игра, и играть в нее можно вдвоем. Я чуть отклонилась назад и принялась расстегивать ремень на брюках Марка.

– Ну нет, – попробовал остановить он меня. – Раздеваться мы не будем.

– Хорошо, – согласилась я и лизнула его ключицу. – Брюки останутся на тебе, обещаю.

Ощущения были на редкость забавные, как будто я вернулась в юность, когда боялась позволить нравящемуся мне молодому человеку лишнее. Помнится, в тот солнечный день мы с Марком точно так же ласкали друг друга, боясь снять хоть один предмет одежды. И в точности как тогда я осторожно погладила его поверх белья, только в прошлый раз меня останавливали не придуманные правила, а неопытность и страх. В тот день Марк, потеряв голову, сам положил мою ладонь поверх выпуклости в его брюках, а я, закусив губу от смеси ужаса и возбуждения, провела по ней быстрым движением и пришла в восторг от собственной смелости. Теперь я

уж точно не боялась. И Марк, как и тогда, сжимал и гладил мою грудь через платье, и ткань не мешала мне терять голову от его прикосновений.

Вот только тогда нам было не до разговоров. Теперь же то и дело кто-нибудь из нас прерывал ласки и поцелуи, чтобы сказать очередную реплику. И выныривая из мучительно-сладкого головокружительного наслаждения, приходилось ловить ускользающую смысловую нить. Но ни один из нас не хотел прекращать эту странную игру.

О прошлом не было произнесено ни слова, как и о будущем. Мы говорили только о моей жизни в лагере, да и сказано по вполне понятным причинам было немного. А когда я возвращалась в барак, мои колени все еще подгибались, а с губ не сходила улыбка. И пусть я забыла повязать голову платком, но холода не ощущала.

На сей раз передачу от Марка я разбирала с огромным интересом, а столпившиеся вокруг моей кровати женщины восхищенными восклицаниями и завистливыми вздохами встречали каждый появляющийся из сумки предмет. Щетка для волос, флакончик шампуня, душистое мыло, крем для рук, еще один – для лица, розовая вода и апофеозом всей этой роскоши – кружевная ночная сорочка, абсолютно непригодная для суровых стылых ночей барака. Марк не мог не догадываться о бесполезности сего предмета, стало быть, это был намек. И я, вспыхнув до корней волос под многочисленными взглядами, мигом определила подарок в тумбочку.

На остальные мои сокровища окружающими бросались алчные взгляды, но я твердо решила, что этими подношениями ни с кем делиться не буду. Разве что с Мышкой. Отнесу в лазарет, чтобы даже Берта с Неткой не просили, и оставляю у Дока.

– Чего застыли? – грубовато спросила я у приятельниц. – Там еще еда есть, делите на всех.

Берта с радостным визгом тут же нырнула в сумку. Окружающие нас женщины подтянулись поближе в надежде завладеть добычей повкуснее.

– А ну-ка отступили! – рявкнула на них Нетка. – И в очередь! Всем достанется. Да не забудьте поблагодарить Дамочку.

Меньше всего мне хотелось выслушивать фальшивые благодарности и видеть неискренние улыбки, потому я встала с кровати и схватила тулуп.

– Куда ты? – удивилась Нетка.

– Покурить, – брякнула я, не подумав. – Дай сигареты.

– Ты ж не куришь, – приятельница изумилась, но измятую пачку мне протянула.

А я схватила ее, даже не поблагодарив, и едва ли не бегом выскочила за дверь.

Сегодня вновь дежурил Гонт, в чем я усмотрела странную иронию. Присела рядом с ним на лавочку, сунула в рот сигарету. Охранник посмотрел на меня с недоумением.

– Ты ж не куришь, Дамочка, – повторил он слова Нетки.

Однако чиркнул спичкой, давая мне прикурить. Определенно, мой статус в лагере не просто повысился, а взлетел до небес. Как бы скоро "госпожой" вместо Дамочки именовать не стали. Горький терпкий дым оцарапал горло, окончательно прогоняя вкус поцелуев Марка. Вторая затяжка, уже поглубже, вызвала приступ кашля.

– Ты, Дамочка, того, поаккуратнее, что ли, – неодобрительно сказал Гонт. – Мне, знаешь ли, вовсе не хочется опять тащить тебя в лазарет. Особенно если учесть, что Док уже ушел и придется воспользоваться камнем экстренного вызова. За это, знаешь ли, по голове не погладят. Док, он когда разозлится, так почитай что и пострашнее Лютого будет.

Камень экстренного вызова был единственной магической вещью, работавшей на территории лагеря. Он мгновенно призывал Дока в лазарет, притягивая его из любого места. Я представила себе Питерса в душистой пене, вытащенного из ванны, чтобы откачивать меня от табачного дыма, и усмехнулась.

– Не волнуйся, Гонт, я не собираюсь падать в обморок.

Возвращаться в барак не хотелось. Я знала, что встретят меня отнюдь не благодарными взглядами. Те, кто сейчас уминал мои продукты, испытывали ко мне скорее злобу и зависть. Когда я впервые поделила свою передачу на всех, была очень удивлена, заметив эти эмоции на лицах заключенных, а теперь уже привыкла. Но все равно жалела вечно недоедающих женщин.

Прошло три дня. Избалованная частыми визитами Марка, я с нетерпением ожидала следующего свидания. Иногда даже посреди дня мечтательно прикрывала глаза, вспоминая его поцелуи, а перед сном и вовсе предавалась фантазиям. Мысли о его сильных руках, горячих губах, страстных ласках помогали отрешиться от дурно пахнущей духоты барака и храпа соседок. Я даже подумывала прекратить затеянную Марком игру и на следующем свидании отдаться ему. Все-таки у меня не было уверенности в том, как сложатся наши отношения, когда я вернусь в столицу. Вряд ли зародившаяся между нами хрупкая нежность сможет существовать в обстановке подковерной борьбы и интриг. Да и Маргарита Крейн, которая никак не могла помешать нам в домике для свиданий и о чьем существовании я почти позабыла в лагере, непременно отравит мне все удовольствие. Здесь мы могли принадлежать только друг другу, поскольку остальной мир представлялся мне призракным и полузабытым. В столице все будет иначе.

Красотку Док выписал из лазарета, но временно освободил от работы в мастерской. Лютый, уже присмотревший себе очередную пассию, поставил ее дежурной по бараку. Ругаясь, бывшая лагерная королева надраивала ветошью полы и бросала на свою преемницу злобные взгляды. Я даже порадовалась, что Красотку не отправили работать на кухню – с нее стало бы плюнуть новой любовнице Лютого, хорошенькой юной блондиночке, в тарелку. Ни чем хорошим для самой Красотки это бы не закончилось. Непременно бы кто-нибудь увидел, донес охране, а вторую порку пережить шансов почти ни у кого не было.

Да и Лютый на сей раз, изменив своим привычкам, выбрал не крикливую нахальную девицу, а трогательно-скромную Линду. Попала она в барак не столь уж давно, но внимания охранников счастливо избегала, кутаясь в платок так, что лица почти не было видно, и старательно придавая симпатичному личику хмурый и неприветливый вид. Но однажды ей не повезло – она замешкалась, выходя из душа. Лютый решил лично поторопить медлительную заключенную и придать ей ускорение оплеухами, но застав Линду в одном белье мигом переменил намерение. Впрочем, девушка, вернувшись в барак, недовольной не выглядела, так что были все основания предполагать, что с Лютым они поладили. У меня Линда вызывала смешанные чувства: с одной стороны я знала, что она никому в лагере ничего дурного не сделала и новым своим положением воспользоваться ни разу не попыталась, а с другой – что-то меня от этой девушки отталкивало. При взгляде на нее мне на ум отчего-то приходило воспоминание о наливном краснобоком яблоке, оказавшемся изгрызенным изнутри червями.

А Марк все не приходил. Прошел еще день, другой. Док начал заговаривать о том, что пора уже выписывать Мышку, мол, Лютый интересовался, почему это она так долго не выздоравливает. Раны на спине Брюнетки уже подживали, и по всему выходило, что скоро в лазарете мы с Питерсом останемся вдвоем. Разумеется, если Лютый не подкинет нам очередную пациентку. Но работы все равно хватало. Мы в больших количествах варили противопростудные зелья, которые раздавались для профилактики за завтраком. И дело было вовсе не в доброте и заботе о заключенных начальника колонии. Нет, просто без этого зелья подхватить простуду в сыром бараке или в холодных мастерских было очень легко, а позволить половине лагеря отлеживаться в лазарете Андерс не собирался. Проще уж было потратиться на ингредиенты для зелья, тем более, что они были широко распространены и стоили недорого.

Марка все не было. Я уже начала нервничать и беспокоиться. Гнала от себя тревожные мысли, непрестанно повторяя, что у королевского мага в любой момент могут возникнуть неотложные дела. Но гадкое ощущение нет-нет, а царапало душу.

– Ты опять перестала есть, Дамочка, – заметил как-то Док. – Смотри, отощаешь совсем, и будет твой Грен испытывать не желание, а жалость.

– Что-то давно его не видно, – осторожно высказала я свои опасения. – Вдруг ему надоело играть в благодетеля?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.